

Луи БУССЕНАР

ПОХИТИТЕЛИ БРИЛЛИАНТОВ
КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА
ЛЕДЯНОЙ АД

ПОЛНОЕ ИЛЛЮСТРИРОВАННОЕ
ИЗДАНИЕ В ОДНОМ ТОМЕ

Издательство
АЛЬФА-КНИГА
Москва
2013

УДК 821.161.1
ББК 84.(Фр.)6-5
Б92

Серия основана в 2007 году

Перевод с французского
В. Финка, К. Полевого, Е. Киселева

Иллюстрации
Ш. Клериса, О. Кастелли, Ж. Фера

Буссенар Луи

Б92 Похитители бриллиантов. Капитан Сорви-голова. Ледяной ад/
Пер. с франц. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. —
955 с.: ил. — (Полное иллюстрированное издание в одном томе).

ISBN 978-5-9922-1477-2

Луи Анри Буссенар (1847—1910) — французский писатель, классик приключенческой литературы.

В настоящее издание вошли: дилогия о Жане Грандьё по прозвищу Капитан Сорви-голова («Капитан Сорви-голова» и «Ледяной ад») и один из самых известных романов писателя — «Похитители бриллиантов».

Издание проиллюстрировано 159 гравюрами известных французских художников — О. Кастелли, Ш. Клериса и Ж. Фера.

УДК 821.161.1
ББК 84.(Фр.)6-5

© К. Полевой. Наследники, 2013
© В. Финк. Наследники, 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ISBN 978-5-9922-1477-2

ПОХИТИТЕЛИ БРИЛЛИАНТОВ

Часть первая
**ОПАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ТРЕХ ФРАНЦУЗОВ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ**

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Алмазный прииск. — Алмазная лихорадка. — Нельсонс-Фонтейн. — Жертвы краха. — Альбер де Вильрож и его друг Александр Шони. — Последствия одной дуэли на пистолетах. — Сокровища королей Южной Африки. — В неведомую страну. — Загадочное убийство.

В Нельсонс-Фонтейне, на алмазном прииске, было в этот день более шумно и оживленно, чем когда бы то ни было. Искатели алмазов, среди которых были люди всех рас, всех цветов кожи, всегда работали не покладая рук, но в этот день они находились в состоянии какого-то бешеного исступления. Впрочем, внимательный наблюдатель догадался бы, в чем дело.

Неприветливая местность, голые скалы и множество зияющих глубоких ям делали прииск скорей похожим на каменоломни. Мельчайшая пыль, подымавшаяся над разрытой землей, образовала густые тучи; временами она заслоняла солнце. Свежему человеку сразу бросалось в глаза бесконечное переплетение металлических тросов, соединявших дно каждой ямы с поверхно-

стью земли. По тросам, на блоках, непрерывно подымались наверх вместительные мешки из бычьей кожи, наполненные песком. Небольшое приспособление, похожее на те, какими пользуются в парижских пригородах огородники, подает ведро наверх, едва оно наполняется, и мчит его обратно, как только оно опорожнено.

Вся местность напоминала огромную шахматную доску, каждая клетка которой имеет десять квадратных метров. Клетки нарезаны в богатой алмазами земле. На дне глубоких ям с усердием муравьев работают оборванные люди. Они роют, копают и просеивают размельченную землю. Их черные, белые или желтые лица покрыты грязью, пылью и потом. Кожаный мешок бежит наверх. Возможно, в нем лежит целое состояние.

Вот блок перестает визжать. Содержимое мешка высыпается на стол. Белый хозяин судорожной рукой разбрасывает землю по столу, а сам смотрит жадными глазами, не сверкнет ли драгоценное зерно.

Обследованную землю потом ссыпают на тачки и увозят по узким тропинкам, которые правильными линиями прорезают весь прииск. Нельзя смотреть спокойно, как беспечно люди толкают тачки по самому краю пропасти: достаточно одного неловкого движения, чтобы оступиться и полететь вниз. Но что значат довольно-таки нередкие несчастные случаи в глазах этих людей, охваченных алмазной лихорадкой! Время от времени происходит обвал, или обрывается камень, или падает вниз тачка. Раздается крик ужаса и боли, и когда кожаное ведро снова поднимется на поверхность, в нем лежит изуродованное человеческое тело. Какое это имеет значение? Главное — алмазы! Гибель человека — происшествие незначительное.

Вот какой-то поляк нашел алмаз в сорок каратов. Сейчас же маклер предлагает ему пятьсот фунтов стерлингов. Но счастливец требует тысячу, и маклер уходит, только пожимая плечами.

Вот ирландец. У него вид человека, измученного нуждой и непосильным трудом. Внезапно он подскакивает, точно в приступе умопомешательства. Он кричит, воеет, мечется из стороны в сторону и разражается потоком ругательств на своем гортанном кельтском языке:

— Арра! Арра! Бедарра! Братья мои, я умираю! Я задыхаюсь от радости! Арра! Мои дети будут богаты!.. А я смогу пить виски! Алмаз в семьдесят пять каратов! Это пять тысяч фунтов стерлингов.

Новость мигом облетает весь прииск, и лихорадочное исступление возрастает, хотя это уже как будто и невозможно.

Вот кто-то другой, менее впечатлительный, чем ирландец, явно сдерживает лихорадочную дрожь. Его движения замедляются. Несмотря на все свое видимое хладнокровие, он чем-то озабочен. Потом он делает нечто странное. Босой ногой, пальцы которой у него не менее ловки, чем пальцы рук, он пытается нащупать некий камешек. Он его заметил своим наметанным глазом и сразу оценил: это алмаз, еще не отделившийся от породы.

На минуту человек приостанавливает работу, делает вид, будто удаляет из ноги занозу, хватая свой камешек и быстро прячет его во рту.

Но это заметил надсмотрщик, от которого ничего не укроешь. Мига не прошло, а он уже на дне ямы. Он хватается человека за глотку и сразу обрушивает ему на голову могучий кулак.

— Открой рот, мерзавец, или я тебя повешу!

Но вор лежит в обмороке. Надсмотрщик достает из кармана складной нож, раскрывает его, просовывает клинок между судорожно сжатыми зубами вора, нажимает и с победоносным видом извлекает камешек.

— Подымите мне этого мерзавца наверх. Пусть ему всыпят двадцать пять кнутов для первого раза!

Но такие истории, подтверждающие богатство прииска, только разжигают у людей жадность, и поиски продолжаются все с тем же неутомимым усердием.

Алмазы были обнаружены в Нельсонс-Фонтейне сравнительно недавно несколькими старателями, пришедшими из Тойтс-Пена. Расположенный на 24°30' восточной долготы по Гринвичу и 27°40' южной широты, на самом краю Грикаленд-Уэста¹ и примерно в ста семидесяти километрах от Оранжевой реки, Нельсонс-Фонтейн еще недавно был совершенно неизвестен. Теперь же, как утверждают, ему предстоит сделаться одним из самых богатых приисков во всей английской Капской колонии. Однако крайне плохое оборудование и полное отсутствие каких бы то ни было удобств делают пребывание здесь малозавидным. Если бы не надежда быстро разбогатеть, люди вряд ли могли оставаться хотя бы несколько часов в этих душных ямах, да еще при сорокаградусном зное. Воды здесь нет. Ведро стоит франк и даже франк семьдесят пять. В лагере до отвращения грязно. Живут в жалких, раскачивающихся на ветру хижинах и изодранных в клочья палатках. Но власти все же заботятся о безопасности работающих и об оздоровлении местности. Каждый вор — а их здесь много, — если его не приговорили к наказанию кнутом, должен отбыть несколь-

¹ Грикаленд-Уэст — территория в Южно-Африканском Союзе, на севере Капской провинции.

ко дней принудительных работ. Наказание это налагается часто и заключается в уборке лагеря. Приговоренные работают под наблюдением полицейского, который ходит за ними с заряженным револьвером в руке.

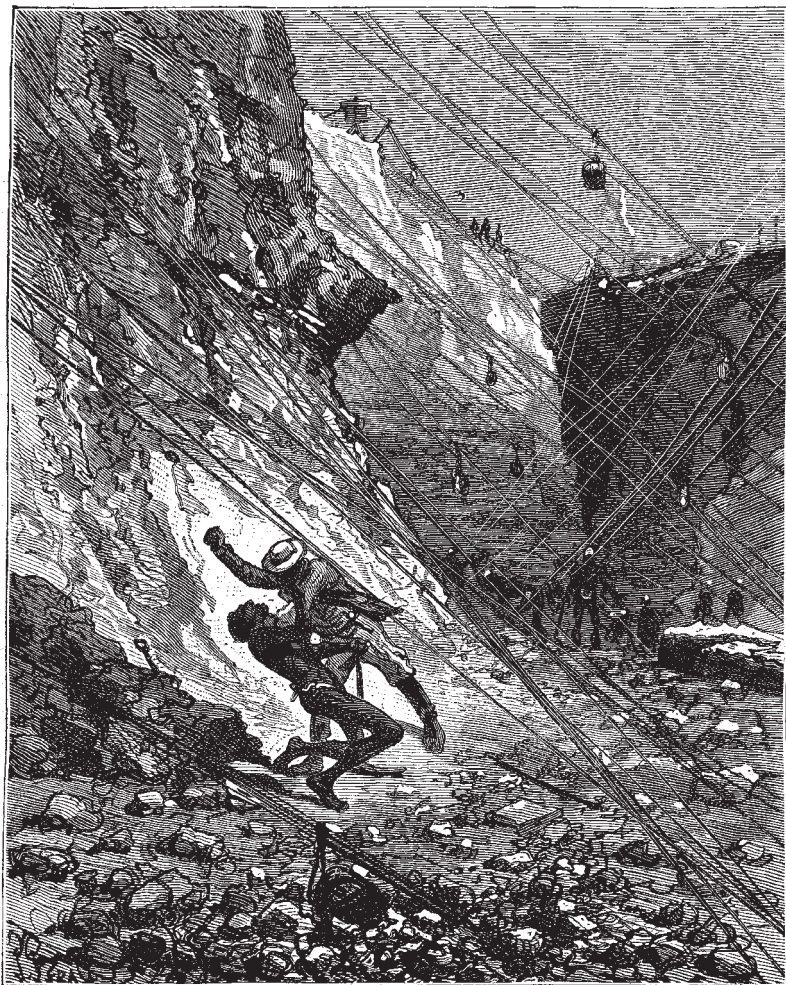
Однако похоже, что чем больше вывозят тряпья, лохмотьев, коробок из-под консервов, старых сапог и поломанных лопат и кирок, тем больше их вновь оказывается через каких-нибудь несколько часов. Люди пришли сюда в поисках богатства и нисколько не думают о самых элементарных законах гигиены. Режут скотину, а потроха и кости бросают прямо перед палаткой; потом приходят негры, китайцы или собаки, хватают все эти отбросы и с жадностью их поедают. Остатки валяются по всему лагерю.

Ни горловые, ни глазные болезни, ни злокачественные язвы, ни нарывы никого здесь не пугают, никто не думает о своем здоровье. У иного уже припрятано где-нибудь в земле, под палаткой, целое состояние, а он ходит босой, в лохмотьях и питается сухарями, которые макает в местную водку. Для этих одержимых весь смысл жизни выражен в одном слове: алмаз. Оно сверкает и гипнотизирует.

Поэтому ничего нет удивительного в том, что прибытие новых четырех человек, хотя и не совсем обычного вида, прошло здесь почти незамеченным. Это два европейца и два негра. Все они, особенно европейцы, внешне не имели ничего общего с приисковой публикой. Главой небольшой группы казался среднего роста, худощавый, коротко остриженный смуглый человек лет тридцати, с пылающими глазами и черной бородой. Правильные черты и подвижность лица выдавали его южное происхождение. Было в нем, кроме того, нечто особое, породистое. Его снаряжение и весь вид показывали, что человек этот весьма и весьма заботится об удобствах, которыми здесь обычно пренебрегают.

Шлем из сердцевины алоэ с назатыльником из белой материи защищал его от зноя. Куртка с поясом и множеством карманов свидетельствовала, что человек привык к дальним путешествиям. Бархатные брюки оливкового цвета, собранные в колене, засунуты в большие сапоги. Широкий нож, который мог служить и тесаком, висел у него на поясе; у него был, кроме того, громадный патронташ и двуствольное ружье крупного калибра. Наконец, из двух карманов выглядывали две цепочки: в одном лежали часы, в другом — никелевый компас.

Второй европейец был одет точно так же и имел такое же снаряжение. Но этим исчерпывалось все сходство между ними, хотя они и были примерно одного возраста и, по-видимому, оба южане и одной национальности. Но первый носил свое дорожное платье

*Он хватает человека за глотку и сразу обрушивает
ему на голову могучий кулак.*

с каким-то изяществом, а второй был простоват. Самый поверхностный наблюдатель заметил бы это с первого взгляда. Короче говоря, сразу было видно, что один из них — слуга, а второй — господин.

Что касается двух чернокожих, то вид у них был весьма своеобразный.

Заслуживает описания их одежда. На одном были только штаны, другой носил только сорочку. Обе вещи были грязны и поношены, говоря точнее — изодраны в лохмотья. Одевание того из двух негров, который носил сорочку, дополнялось фетровой шляпой, которая не имела верха и потому не прикрывала его густой, взлохмаченной шевелюры. На бедре у него — там, где камергеры носят золотой ключ, — болтался нож, а в ушах — латунные серьги, к каждой из которых был подвешен кусок агата величиной с абрикос.

Что касается счастливого обладателя штанов, то он носил на голове доньшко плетеной корзинки, которое украсил небольшой банкой из-под анчоусов. В мочку правого уха он продел свою трубку, а в левом ухе мочка была растянута картонной ружейной гильзой.

Оба негра были в восторге от своих нарядов и посматривали с высокомерием на чернокожих приисковых рабочих, которым судьба в такой роскоши отказала.

Я забыл отметить, что они носили каждый по огромному двухствольному карабину — из тех, какими в Африке пользуются для охоты на крупного зверя.

Оба европейца проходят медленным шагом и смотрят по сторонам, очевидно ища кого-то или что-то.

В конце концов они обращаются к полисмену. Тот, вежливо ответив на их приветствие, приглашает их следовать за ним и приводит к яме, на дне которой работает человек шесть.

— Это здесь, господа, — кланяясь, говорит полицейский.

Молодой человек подходит к самому краю, стараясь хоть что-нибудь увидеть сквозь густую пыль, поднимающуюся из глубины. Несколькая камешков обрывается у него из-под ног. Землекопов, поглощенных работой на дне ямы, это заставляет взглянуть наверх. Один из них испускает крик, в котором радость перемешана с изумлением. По шаткой лесенке он спешит выбраться на поверхность и, нисколько не смущаясь грязи, которая покрывает его лицо, руки и одежду, бросается прямо в объятия элегантному молодому джентльмену.

— Альбер!.. Альбер де Вильрож!.. Друг мой!..

— Александр!.. Дорогой Александр! — восклицает взволнованным голосом новоприбывший. — Наконец-то я тебя нашел!

— Ты здесь! В этом аду! Рядом со мной!.. Какое чудо привело тебя сюда? Какой счастливый случай?

— И не чудо и не случай. Я отвечу тебе, как Цезарь после победы над сыном Митридата: я пришел, я искал, я нашел.

— Славный ты мой Альбер! Ты все такой же весельчак! Значит, ты искал меня?

— И весьма усердно.

— Для чего же именно?

— Во-первых, для того, чтобы тебя повидать. А затем, чтобы помочь тебе вернуть состояние, верней — для того, чтобы мы оба могли вернуть каждый свое состояние...

— Оба? Да неужели ты тоже...

— Разорился дотла.

— Каким образом?

— Да все тот же крах. Сначала ты все потерял, а потом оказалось, что и я остался без гроша.

— Ах ты, бедняга!

— Спасибо за сочувствие... Но мы начинаем привлекать внимание всех этих джентльменов. Я не люблю, чтобы на меня слишком заглядывались. Давай-ка отойдем в сторону. У тебя тут есть где-нибудь свой угол? Какая-нибудь дыра, какой-нибудь насест?

— Вот именно, ты правильно сказал: дыра и насест. Идем!

— Еще одно слово. Я должен тебе представить моего спутника. Ты уже, впрочем, слыхал о нем. Это мой молочный брат Жозеф, сын нашего фермера из Вильрожа.

— Ах, значит, это и есть Пупон?

— Совершенно верно. Пупон — по-нашему, по-каталонски — Жозеф... А теперь идем.

Тот, которого звали Александром, шел впереди и вел своих спутников по узким тропинкам между ямами к палаткам, белевшим в полукилометре от места работ.

Александр Шони примерно года тридцать два. Он полная противоположность своему другу. Большие голубые глаза, светлые волосы, длинные усы, высокий рост и атлетическое сложение делают его похожим на первых обитателей древней Галлии — тип, почти совершенно исчезнувший. Сходство особенно сильно в моральном смысле, ибо Александр Шони наделен не только живостью наших предков, но также их душевной прямоотой и храбростью.

— Вот она, моя дыра, — сказал он, раздвигая полог палатки. — А вот и насест. — При этих словах он показал на две бычьи шкуры;

они были натянуты на рамы, которые стояли на вбитых в землю кольях.

— Обстановка простая и дешевая, — весело заметил Альбер.

— Пустяки: тысяча франков наличными!

— Ах, черт! А дела-то хоть идут?..

— Как сказать... За эти шесть месяцев я с трудом сводил концы с концами. К счастью, недели две назад мне удалось найти ямку, которая принесла мне тысяч десять. В общем, не бог весть что.

— Зато я принес тебе богатство.

— То есть как это?

— Расскажу в двух словах. Ты знаешь, что за последние годы я бывал в Париже лишь изредка. Мной овладел демон скитаний. Недаром я каталонец. Я охотился на львов в Абиссинии, я был на Суматре и в Конго. Внезапно, находясь в Измаилии, я получаю от моего поверенного письмо с извещением, что все мое состояние ухнуло в результате знаменитого финансового краха. Я мигом помчался в Париж, распродал свои имения, расплатился с долгами и очень скоро оказался без гроша за душой. Единственным ощутимым для меня результатом этой операции было то, что я смог оценить лживость поговорки: «Заплатить долги значит разбогатеть». Конечно, я расплатился, но я не имею ни гроша, в то время как другие ничего не заплатили и теперь они богаты, как свиноотловцы.

— Да ведь и со мной было то же самое! Мне пришлось продать все, что я имел, вплоть до моего маленького имения Бель-Эр. Я с трудом сохранил две с половиной тысячи дохода для моей бедной матери. Мне удалось удержать ферму в Вильроже, и она аккуратно приносит мне триста франков чистого убытка в год. Так что ты видишь, как процветают мои дела! Но жить-то ведь надо. А меня не привлекает чиновничья служба. По-моему, место консула или жалованье супрефекта не более заманчивы, чем высокопочетная, но низко оплачиваемая должность ночного сторожа. Тогда у Анны возникла гениальная мысль...

— У Анны? Кто это Анна?

— Черт возьми, моя жена! Ведь я женился! Ты ничего не знаешь? Это целая история. Мы познакомились полтора года назад, и как раз недалеко отсюда — в Трансваале. Она дочь методистского проповедника. Друг мой, это ангел, жемчужина! Некий господин Вандер... не вспомню точно его фамилии... словом, один бур, сущий белый дикарь, у которого сто квадратных миль своей земли, добивался ее руки. Анна видеть его не могла. Мы с ним дрались на пистолетах. Мой нынешний тесть был его секундантом. Проповедник! Бур ужасно смутился и стрелял в меня как-то так неловко,

что пуля прострелила ухо достопочтенному слуге Божию... Эта неловкость погубила все матримониальные расчеты моего противника. Так что спустя неделю счастливым супругом мисс Анны Смитсон стал я!..

— Очень хорошо! — прервал его Александр, смеясь во все горло. — Однако перейдем к гениальной мысли твоей жены.

— Очень просто. Ты, быть может, знаешь или не знаешь, что уже в 1750 году, в ту эпоху, когда Грикаленд принадлежал голландцам, миссионеры составили карту, в которой указывалось, что эти земли, едва известные белым, содержат алмазы. И действительно, установлено, что коронны, кафры и бушмены пользуются алмазами если не для украшения, то как орудием труда. Эти дикари говорят, что их предки уходили в Грикаленд за алмазами и пользовались ими для обработки жерновов.

— И ты все это узнал? О, кладезь мудрости!..

— Не я, а моя жена. За какой-нибудь час она рассказала мне об алмазах гораздо больше, чем наш лицейский преподаватель за три года. Из всего, что он нам вдалбливал, я помню только, что, вопреки некоторым мнениям, алмаз — это чистый углерод, что он кристалл и имеет форму куба, восьмигранника, десятигранника и так далее, и так далее. Всему этому я охотно верю. Но Анна, видишь ли, родилась в здешних местах, в фургоне, когда ее папаша проповедовал Евангелие дикарям. Она говорит на четырех или пяти местных наречиях, и, можешь мне поверить, в ее устах эти странные звуки кажутся не менее певучими, чем трели соловья.

— Здорово! — воскликнул Александр.

— Она пережила немало приключений, и, между прочим, ей довелось спасти от мучительной смерти одного кафра, по имени Лакми. А ты прекрасно знаешь, что чернокожие — народ благодарный. Лакми привязался к дому пастора, каковой дом стоял на колесах и находился в постоянных разъездах. За несколько месяцев до моей женитьбы этот бедняга Лакми умер от чахотки. Он был потомком могущественного вождя какого-то племени. Умирая, он принес в дар своему доброму ангелу, своей благодетельнице, огромное количество алмазов, единственным и законным владельцем которых он был. Точней говоря, это куча камней, которые предназначались для обработки жерновов, — килограммов двадцать. И все это припрятано в одном местечке, куда мы с тобой и отправимся сию же минуту, без всякого промедления. В Капштадте французский консул сказал мне, что ты находишься здесь, на Нельсонс-Фонтейне. Тогда я подумал, что надо поделиться моим богатством с тобой. Ты всегда был моим лучшим другом, и тебя постигла та же беда, что и меня. Поэтому я считаю, что будет

вполне естественно, если ты разделишь со мной мою удачу. За этим я сюда и прибыл, дорогой мой Александр. Вот и все.

Александр задумчиво молчал. Его друг заговорил снова:

— Ты онемел? Ты не говоришь: «Едем поскорей»? Ты не торопишься продать свою гнусную яму и эту рваную палатку, которая кишит всякими мерзкими насекомыми? Или ты мне не веришь?

— Верю, верю, но...

— Что «но»? У меня есть карта местности. Правда, плохонькая. Но мы с тобой не робкого десятка, мы не пропадем и с такой картой. Ее составил по указаниям покойного Лакми мой тесть, пастор Смитсон. Он ее начертил раствором пороха на платке. Это будет наша путеводная нить, и она нам поможет найти клад. У меня есть доброе предчувствие. Поверь мне, ты выкупишь свой Бель-Эр, а я построю в Вильроже замок из красного гранита, с восемью сарацинскими башнями и с террасой над обрывом... Да что это с тобой?

Александр вскочил, точно его подбросило пружиной. Он схватил револьвер, висевший на колышке, и быстро вышел.

— Тихо! — сказал он шепотом. — Нас подслушивают!

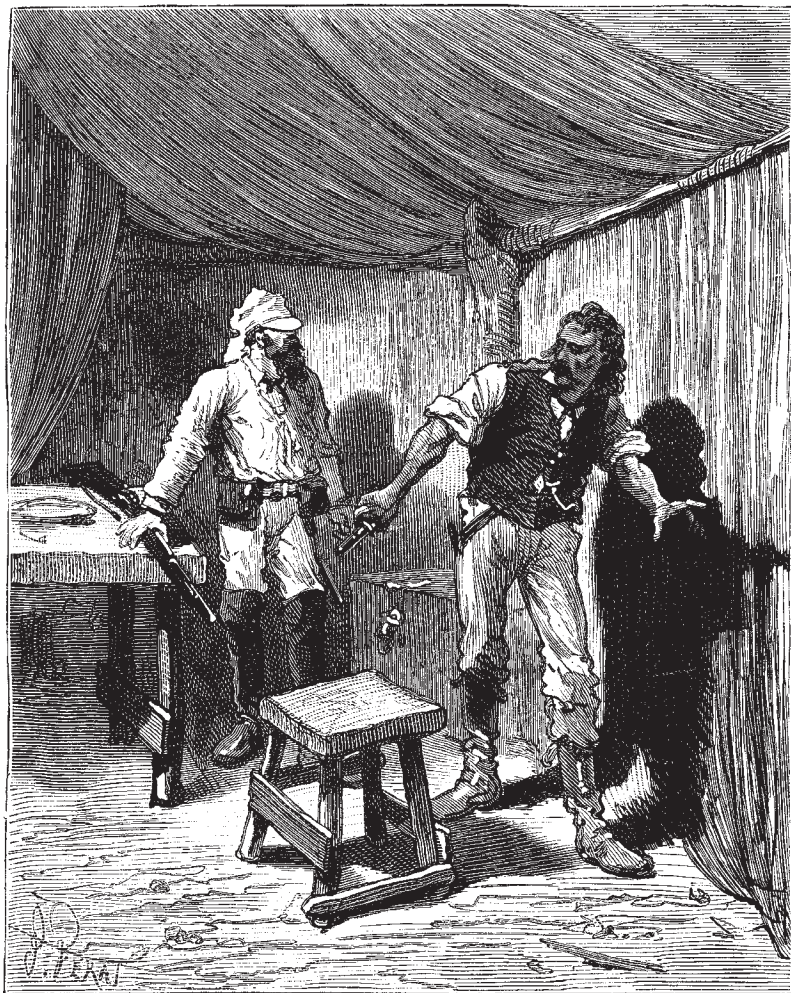
Нетвердой походкой пьяного мимо проходил человек огромного роста.

— Ничего! — сказал Александр Шони, вернувшись в палатку. — Какой-то пьяный. Он едва не свалился на палатку.

— Одобряю твою осторожность. Подобные тайны не следует выбалтывать так, чтобы слышал всякий и каждый. Тем более что нам еще, по всей вероятности, предстоит встретиться с моим соперником, с этим буром, которого Анна спровадила. Он и два его брата поклялись меня убить.

— Ах, так? — резко перебил его Александр. — В таком случае, я еду с тобой. Черт возьми, предвидится драка, и моему лучшему, моему единственному другу грозит смертельная опасность, а я буду сидеть в логове, как дикий кабан? Да что я, подлец, что ли?

— Ну вот, наконец-то! Узнаю своего старого галла! Не думай, однако, что я собираюсь задержать тебя надолго. Нам достаточно трех месяцев, а там одно из двух: либо мы себе составим состояние, либо придется все начинать с самого начала. Просто потеряем три месяца и покончим с иллюзиями. Большой ценности они не представляют, поэтому мы спишем в счет убытков только потерянные девяносто дней и вместе возьмемся за разработку какого-нибудь участка.

— Тихо! — сказал он шепотом. — Нас подслушивают!

— Идет! Я завтра же продаю свою концессию, орудия, палатку, алмазы, и едем!

— Почему завтра? Почему не сию минуту?

— Надо найти покупателя.

— Покупатель есть. Только что, проходя мимо, я заметил козлий профиль какого-то торговца. Он продавал консервы и капбренди. Там, где есть торговцы, всегда можно сделать дело.

— Это, вероятно, хозяин огромного фургона, в который запрямино двадцать быков. Он только вчера прибыл.

— Какое нам дело? Распродай все поскорей, и едем!

Дали знать торговцу, и он явился немедленно. Алмазы он тщательно осмотрел, ощупал, взвесил и в конце концов купил их. Равно как и оборудование и права. Кроме денег, он дал Александру крепкую, молодую, но страшно норовистую лошадь. Впрочем, француз был прекрасным наездником.

Купец отсчитал двадцать тысяч франков золотом и удалился.

Ночь спустилась быстро, и три европейца, сопровождаемые двумя туземцами, все пятеро верхом, без шума покинули прииск и взяли путь на север, то есть в страну западных бечуанов, которая началась в нескольких километрах от Нельсонс-Фонтейна.

Утро едва успело бросить на прииск свои первые лучи, когда всех взволновал странный слух, передававшийся из уст в уста. Говорили, что ночью произошло убийство. Все побросали работу и пустились в лагерь, к палаткам.

Люди всех цветов кожи собрались шумной толпой вокруг огромного фургона, принадлежавшего торговцу, и испускали оглушительные крики. Двое полицейских пробились сквозь людскую стену и проникли в фургон. Труп старика плавал в луже крови и загораживал вход. Глаза были широко раскрыты, рот перекошен. Длинный нож был воткнут в грудь, наружу торчала одна рукоятка. Кровь капля за каплей стекала под фургон и смешивалась с кровью сторожевого пса, которого тоже зарезали.

В фургоне стоял невообразимый беспорядок: все было перерыто, и рыли, видимо, весьма поспешно — везде остались кровавые отпечатки пальцев. Сундук был взломан и опрокинут, и на полу сверкали алмазы, должно быть не замеченные грабителями.

В глубине фургона, за тяжелой портьерой, кто-то стонал. Полицейские нашли там двух связанных женщин — белую девушку и старую негритянку. У обеих были завязаны рты, обе задыхались. Полицейские освободили их.

Белая девушка была замечательно красива. Ее расширившиеся от ужаса глаза увидели труп, который еще продолжал лежать на месте.

— Отец! Отец! — душераздирающим голосом закричала она. Девушка встала, сделала, шатаясь, несколько шагов, взмахнула руками и рухнула на труп старика.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Удачливый народ. — Золотоносные земли и алмазные прииски. — История английской Капской колонии. — Борьба англичан с бурами. — Свободное государство Оранжевой реки и республика Трансвааль. — Первые алмазы. — Для какой цели кафры в старину пользовались алмазами. — «Звезда Южной Африки». — Прииски сухие и речные. — Политика захватов. — Злоключения господина Дютуа. — Полицейский художник. — Мастер Виль. — Сон полицейского. — Нож и ножны. — След.

С богатыми государствами бывает, как с богатыми людьми. Пусть промышленное предприятие правильно организовано, пусть им хорошо руководят — всего этого еще мало для того, чтобы дела шли хорошо. Нередко бывает, что стечение совершенно случайных обстоятельств создает процветание, которого не смог бы принести самый усердный труд. Удача в делах, то, что называется везением, зависит нередко от случая. Англичане просто-напросто «везучий» народ. Похоже, что всюду, где гражданин Соединенного Королевства только водрузит свой Юнион-Джек¹, счастливый случай торопится взять его под свое покровительство.

Мало того, что климат и производительные возможности Австралии замечательно благоприятствовали разведению скота и создали счастливым переселенцам из Англии источник обогащения, — надо было к тому же, чтобы здесь были найдены золотоносные земли.

Началось невиданное обогащение. Такая же удача ожидала англичан и на мысе Доброй Надежды. Был момент, когда из-за прорытия Суэцкого канала звезда великой Южно-Африканской колонии могла закатиться, но чудесный случай придал этой звезде новый и неожиданный блеск: в колонии были найдены алмазы.

События скоро приведут нас в некие страны, которые давно ждут цивилизации, но до сих пор все-таки мало изучены. Поэтому читатель согласится с нами, что, раньше чем продолжать наше повествование, необходимо дать здесь кое-какие пояснения из области истории и географии.

¹ Английский флаг.

Известно со слов Геродота¹, что в 610 году до н. э. мыс Доброй Надежды видели финикийские мореплаватели; в 1291 году н. э. до мыса доходили генуэзцы брата Вивальди. Однако открыл его Бартоломео Диас в 1486 году². Васко да Гама³ обогнул его 20 ноября 1497 года. Между 1497 и 1648 годами португальцы и голландцы делали попытки организовать там свои колонии, но безуспешно. И только в 1652 году хирург нидерландского флота Антоний Ван-Ризбек основал на мысе предприятие, построил цитадель и положил начало городу, который называется Кейптаун.

Еще до войны за Независимость Америки колония достигла неслыханного процветания, и это несмотря на упорную враждебность коренного населения. Во время войны за Независимость адмирал Эльфинстон и генерал Кларк овладели колонией в результате кровавых боев, но в 1803 году она была возвращена Голландии и снова перешла к Англии в 1814 году.

Британское правительство применяло колониальную систему, прямо противоположную системе голландской. Англичане отменили старые привилегии колонов, освободили от рабства готтентотов и, к великому недовольству голландских буров, пытались уравнивать туземцев в правах с белыми. Буров было много, и они, по существу, считали себя голландцами. Южно-Африканская колония казалась уголком Голландии, до такой степени колонисты сохранили и свой тип, и нравы, и обычаи, и домашний уклад, и язык. Освобождение черных туземцев произошло в 1838 и 1839 годах, но буры не хотели примириться с потерей рабов и предпочли переселиться на земли, лежащие за Оранжевой рекой. Переселилось пять тысяч душ. Они объявили себя независимыми, основали колонию Наталь и отдали себя под покровительство Голландии. Это покровительство было чисто платоническим и не спасло их от нового захвата, так что после кровавого сопротивления Наталь также был объявлен английской колонией.

Буры были побеждены, но духом они не пали. Их не испугали превратности нового переселения, и под предводительством Преториуса они подались на восток и поселились у истоков Оранжевой реки. Англия не хотела допустить, чтобы в этой упорной борьбе последнее слово осталось за бурами. Она присоединила к своим владениям и эту новую территорию, предоставив ей

¹ Геродот (484—425 до н. э.) — древнегреческий историк, прозванный отцом истории.

² Бартоломео Диас (1450—1500) — португальский мореплаватель; первым обогнул берега Африки в 1486 году и открыл мыс Доброй Надежды.

³ Васко да Гама (1469—1524) — португальский мореплаватель; открыл морской путь в Индию через мыс Доброй Надежды.

право называться государством Оранжевой реки. Соответствующий декрет был издан 3 января 1848 года. Буры взяли оружие в руки и дрались отчаянно, но были разбиты 29 августа того же года в знаменитом сражении при Бум-Плаатсе. Впрочем, их непреклонное упорство позволило им еще раз сорвать захватнические планы Соединенного Королевства. Они снова предприняли массовое переселение и осели в бассейне реки Вааль, где и основали республику Трансвааль.

Но англичане вскоре увидели, какую ошибку они совершили, так широко захватывая земли, коренное население которых не желало сносить ига белых завоевателей. Англичане поняли, что буры могут служить достаточно прочным барьером между ними и непокорными кафрами и базутами. Будучи ловкими политиками, англичане вернули независимость бурам Оранжевой реки. Договор был подписан 22 февраля 1849 года в Блум-Фонтейне.

Кроме войн, которые они вели с голландскими колонистами, англичане вели отчаянную борьбу с туземцами. Английское владычество не раз стояло под угрозой. Особенно непримиримыми и страшными противниками оказались кафры. Их восстание в 1850—1853 годах было не менее грандиозным, чем восстание в Индии в 1857 году. Англичанам удалось его усмирить лишь ценой необычайных трудностей и кровавых потерь. Восстание базутов в 1858 году под предводительством вождя Мозеша приняло огромные размеры и поставило власть колонизаторов под непосредственную угрозу.

Что касается нового захвата Трансвааля и последней войны с зулусами, то об этом мы подробно поговорим ниже.

Кончилось тем, что в результате многочисленных захватов в Капскую колонию вошла вся Южная Африка — от Оранжевой реки, то есть от 29° южной широты, до южной оконечности материка.

И, несмотря на все потрясения, там все-таки царило процветание. Исключительно здоровый климат, пастбища, плодородная земля, овощи, фрукты, — благословенный край! Местные вина констанс, шираз и понтак славятся в Европе и давно служат капским виноделам источником обогащения.

Капская колония в смысле природы была не менее богата, чем Австралия. Но подобно тому, как Австралия внезапно еще больше разбогатела в результате открытия золота, так и капская колония стала все больше богатеть, когда были найдены алмазные россыпи.

Этот драгоценный камень здесь обнаружили впервые еще в 1750 году. Но организованная добыча алмазов началась лишь в 1867 году.

Какой-то местный торговец, один из тех, которые разъезжают по стране в больших фургонах, запряженных двадцатью-тридцатью быками, и развозят всякие дешевые товары, за которые туземцы отдают им слоновую кость, как-то остановился на ферме у одного бура, по имени Жакоб. И тут он заметил, что детишки играют удивительно сверкающими прозрачными камешками. Ему пришло в голову, уж не алмазы ли это. Приходит на ферму какой-то охотник и высказывает то же предположение. Правда, ни торговец, ни охотник никогда сроду алмазов не видали и, стало быть, могли ошибаться. Но загадочные камешки резали стекло. Значит — алмазы. Тогда охотник и торговец заключили с фермером договор. Охотник — его фамилия была О'Рейли — отобрал самый крупный и самый сверкающий из всех камешков и понес продавать. Было условлено, что вырученные деньги он поделит с буром и с владельцем фургона.

Камень оказался алмазом и был продан за пятьсот фунтов стерлингов.

Слух об этом облетел всю колонию с быстротой молнии. Волнение, которое он вызвал, было тем сильнее, что как раз в это время эпизоотия опустошала стада и на рынке упали цены на шерсть.

Новый источник обогащения был найден в такой момент, когда в стране царил паника.

Первые искатели сразу нашли много алмазов, а кафры стали приносить еще больше: кафры пользовались алмазами для обработки жерновов. Запасы переходили у них из поколения в поколение. Говорят, именно так был приобретен знаменитый алмаз «Звезда Южной Африки», вызвавший в Лондоне восторг знатоков. Его купили за десять тысяч франков, затем перепродали за триста тысяч, затем он снова был перепродан за восемьсот пятьдесят тысяч франков.

Тогда поднялась алмазная лихорадка, подобная той золотой лихорадке, которая охватила Калифорнию и Австралию, когда там было найдено золото. Не прошло двух месяцев после того, как был найден первый алмаз, а в Пниль уже сбежалось пять тысяч человек. Попадались отдельные экземпляры весом в 180, 186 и в 288 каратов. Но чем они крупней, тем желтей.

В некоторых местах добыча оказалась баснословно обильной. В районе Бирс-Нью-Пош находили в течение восьми месяцев подряд не менее трех тысяч алмазов в день, и большей частью крупных. Ни в одном прииске мира не было найдено ни таких крупных алмазов, ни такого количества их.

Неожиданные открытия разбудили в Европе легко понятные страсти. Надежда и отчаяние волновали общество вплоть до 1873 года. Волнение измерялось количеством добытых алмазов. В те годы корабли, выходявшие из Капштадта, увозили алмазов на сумму в шесть-семь миллионов франков каждый.

Началась усиленная эмиграция из Европы в Южную Африку, и безлюдные пространства, лежащие вдоль Вааля, вскоре были заселены. Несмотря на неудачи, которые ожидали здесь многих новоприбывших, работа все же оказалась в общем выгодной: в течение какой-нибудь одной недели группа искателей нашла в районе Пниля семьдесят четыре алмаза такого качества, что одних только налогов пришлось заплатить двадцать пять тысяч франков. Это позволяет судить, сколько стоили сами алмазы.

Необычайный наплыв искателей вызвал необходимость создать органы власти. Свободное государство Оранжевой реки и республика Трансвааль взяли это дело на себя. Спустя некоторое время искатели избрали некоего господина Паркера президентом «Речных Полей». Выбор пал на Паркера как на человека, пользовавшегося всеобщим уважением и прекрасно знавшего местные условия. Став во главе столь разношерстного населения, среди которого было довольно много людей не слишком щепетильных, Паркер ввел весьма простой кодекс законов, позаимствовав их главным образом у пресловутого судьи Линча: кто провинился, того выставляли на солнцепек, либо пороли кнутом, либо топили в реке.

Эта президентская власть имела своей конечной целью создание республики Алмазных Полей. Но вскоре стало ясно, что для этого пришлось бы вступить в борьбу с Трансваалем. А это могло бы тяжело отразиться на еще не окрепнувшей алмазной промышленности.

Английские подданные представляли меньшинство на этой территории, на которую претендовал Трансвааль. Возникла опасность вооруженного столкновения. Паркер был смещен, власть перешла в руки некоего Кемпбелла.

Спустя короткое время здесь возникла Хоптоунская алмазная компания с центром в Блум-Фонтейне. Но между соперничавшими предприятиями начались трения, и тогда Англия нашла способ водворить мир: она захватила территорию россыпей, называемую Западный Грикаленд.

В заключение этого исторического обзора и раньше, чем мы опишем эксплуатацию алмазных приисков, надо привести забавный случай.

Известно, что, когда был отмечен Нантский эдикт¹, множество французских гугенотских семейств эмигрировало в Капскую колонию. Французы смешались с бурами и стали жить их жизнью, которая протекала в стороне от прогресса и цивилизации. Некий господин Дютуа, потомок французских эмигрантов, спокойно жил у себя на ферме, которую в округе называли Дютуа-Пен, потому что неподалеку находилось небольшое круглое озеро. Слово «пен», собственно, означает сковороду, но так стали здесь называть и круглые водоемы.

Господин Дютуа очень мало думал о Франции, стране своих предков. Как настоящий белый дикарь, он скорее всего даже не подозревал, что эта прекрасная страна существует на свете.

В один прекрасный день к Дютуа заявили какие-то люди, которые, видимо, наслышались историй об алмазах и о сказочном обогащении. Они бесцеремонно расположились на ферме. Дютуа так испугался, что ночью перетащил в фургон все, что можно было перетаскать — постели, вещи, деньги, — запряг волов, усадил семью и, обливаясь слезами, тронулся в путь куда глаза глядят в состоянии, близком к умопомешательству.

Он так усердно старался замести следы, что гостям, которых он принял за опасных злоумышленников, стоило большого труда найти его. Но каков же был ужас этого простоватого бедняги, когда в один прекрасный день они его все-таки нашли. Оказалось, что они обследовали принадлежавшую ему землю, обнаружили алмазы и искали хозяина только для того, чтобы самым честным образом откупить у него его владения.

Но они еще не знали, с кем имеют дело. Хозяин был так напуган, что снова спрятался и не хотел показаться. Покупателям пришлось уехать ни с чем. Однако им все же очень хотелось разбогатеть. Через некоторое время они снова появились, и на сей раз их ждала удача. Никак этому простаку не влезало в голову, что люди, из-за которых он бросил родной дом, пришли только для того, чтобы предложить ему богатство. Но пришлось поверить, и он подписал заранее приготовленный покупателями акт купли-продажи. По этому акту он переуступал им свою землю за сто двадцать пять тысяч франков. Он не знал, насколько смехотворна была эта цена по сравнению с миллионами, которые впоследствии были извлечены из проданного им участка.

¹ Нантский эдикт, изданный французским королем Генрихом IV в 1598 году, несколько облегчил положение протестантов, или гугенотов, подвергавшихся религиозным преследованиям. В 1685 году Людовик XIV отменил эдикт, и это заставило многих протестантов покинуть Францию.

Дютуа по-настоящему поверил в свое счастье только тогда, когда покупатели вручили ему всю сумму золотом и он подержал в руках каждую отдельную монетку. Еще в 1875 году передавали, что самой большой его радостью бывало считать и пересчитывать эти сто двадцать пять тысяч франков. Несомненно, они достались и его наследникам в целости и сохранности.

Страсть к золоту довольно распространена среди буров. Они постоянно копят и копят и ничего не тратят. Среди них есть весьма богатые люди, которым досталось то, что сберегали многие поколения их предков. Они никогда не пускают своих денег в оборот, а хранят их в кубышках, которые закапывают в землю или прячут в каких-нибудь укромных и безопасных местах.

А теперь, когда читатель получил кое-какие сведения, касающиеся географии, истории и промышленности тех мест, где будет развертываться первая часть драмы, кровавый пролог которой ему известен, мы вернемся к нашему повествованию.

Вид убитого торговца вызвал у всех и ужас и гнев. Кражи не были такой уж редкостью на прииске, но убийств не случалось. Жуликов было не перечесть, но никому не приходило в голову, что надо бояться за свою жизнь. Неудивительно, что, когда эти люди, в большинстве не признающие особых нежностей, почувствовали угрозу для своей жизни и своего кармана, они стали вопить о мести и потребовали суда Линча.

Один только полицейский сохранял невозмутимое спокойствие. Прежде всего он не позволил дотрагиваться до убитого и чем бы то ни было нарушить беспорядок, царивший в этом базаре на колесах.

Покуда приводили в чувство несчастную девушку, у которой обморок сменился страшной истерикой, полицейский устроил беглый допрос служанке. Но, как и следовало ожидать, она ровно ничего не знала. Она спала возле своей госпожи, когда чьи-то руки грубо схватили их обеих и связали. Ей показалось, что она слышит сдавленный стон, и в смертельной тревоге стала ждать, когда придет помощь, но помощь пришла слишком поздно.

Вот все, что могла сказать старая негритянка.

Полицейский с сомнением покачивал головой, но его бесстрастное, точно сделанное из камня лицо не выдавало волновавших его чувств.

Между тем он был глубоко взволнован, и мы не осмелимся утверждать, что это злодейство, сопровождавшееся столь загадочными обстоятельствами, не доставляло ему известного удовлетворения. Дело в том, что мастер Вильям Саундерс, которого на прииске звали просто мастер Виль, считал самого себя — по праву или без права — человеком ловким, но таланты которого все никак не находили себе достойного применения. К своей великой досаде, он прозябал в полиции на самых низших должностях и с нетерпением ожидал, когда случай предоставит ему наконец возможность выдвинуться. Теперь такая возможность перед ним открывалась. Заставить какого-нибудь кафра вернуть алмаз, который он прячет во рту; заставить какого-нибудь белого сознаться в краже; схватить несколько китайцев и потащить их за косы в тюрьму; помогать при наказании палками или командовать нарядом штрафных, которые убирают нечистоты в лагере, — ну что это, в самом деле, за занятие! Любой чернорабочий справится.

Но раскрыть тайну загадочного и кровавого убийства, от видимых фактов добраться до тайных причин, собрать все данные, все самые незначительные улики, найти какое-нибудь, хотя бы самое маленькое указание, которое могло бы послужить путеводной нитью, броситься по следам убийцы, проявить в борьбе с ним смелость и смекалку, схватить его, доставить в суд, слышать со всех сторон, как люди говорят, что это Виль, несравненный Виль, сам, один раскрыл все дело, видеть свое имя окруженным самыми лестными эпитетами, находить свой портрет в газетах рядом с портретом пойманного преступника — такая перспектива могла бы взволновать любого полицейского, даже лишенного честолюбия. А Вильям Саундерс был честолюбец, который к тому же любил свое дело.

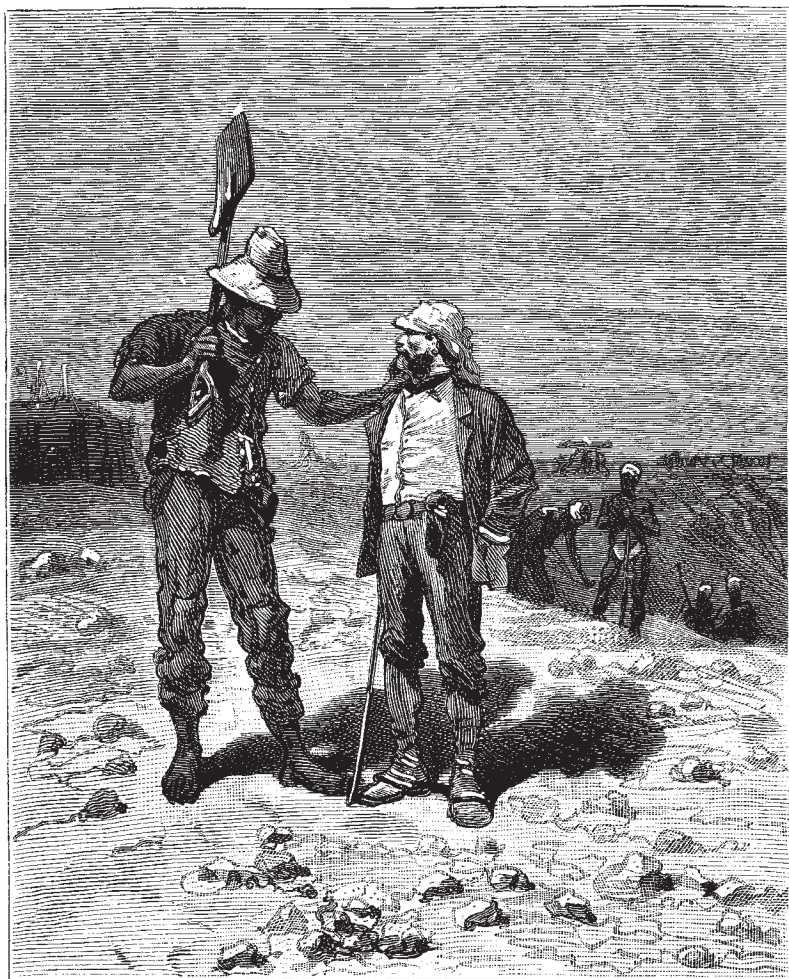
Он услышал крики: «Линчевать! Линчевать!» — и это заставило его оторваться от мечтаний в такую заманчивую минуту, когда он уже своими ушами так и слышал речь губернатора, который в награду за блестящий подвиг назначал его начальником всей полиции Капштадта.

Он с важным видом повернулся, обвел взволнованную публику бесстрастным взглядом и проронил только нижеследующие несколько слов:

— Вы хотите его линчевать?.. Кого?..

Этот простой вопрос произвел впечатление холодного душа. По адресу почтенной корпорации, коей Виль был лучшим украшением, посыпались весьма неместные замечания.

— Спокойствие, джентльмены! — невозмутимо продолжал Виль. — Идите работайте! О вашей безопасности должны за-

— Вам известно, что француз ночью уехал?

ботиться мы, и мы свой долг выполним. Что касается меня, то я это дело распутая. Тому порукой моя честь. И — Господь меня слышит — вы еще повеселитесь: я обещаю вам одну или несколько великолепных виселиц!

Легко возбудимая толпа, состоявшая из людей нервных, быстро переходящих от одной крайности к другой, стала хлопать в ладоши и оглушительно громко кричать:

— Гип! Гип! Ура! Да здравствует Виль!

Полицейский вернулся в фургон и продолжал расследование. Результаты были ничтожны. Отдавая себе в этом отчет, Виль все же тщательно измерил кровавые отпечатки рук убийцы, осторожно вытащил нож из груди убитого, прочитал на клинке имя фабриканта и собрался уходить, когда взгляд его совершенно случайно упал на некий небольшой предмет. От удивления мастер Виль даже вздрогнул.

Он поднял предмет, запрягал его в карман и вышел из фургона, бормоча про себя:

— Так! Мне везет с самого начала. Дай бог дальше не хуже.

Он медленно направился к помещению, где были расквартированы полицейские, когда к нему подошел человек огромного роста и выпалил:

— Вам известно, что француз ночью уехал?

— Какой француз?

— Тот самый, у которого покойный откупил вчера участок, и алмазы, и орудия, и даже палатку.

— Знаю. Что из этого?

— Подождите. Француз уехал с двумя белыми, которых никто раньше на прииске не видал. Они были оба одеты по-дорожному.

— Дружище, вы напрасно тратите время. Я знаю все это не хуже вас.

— Вы так думаете? А знаете, что я нашел возле палатки француза, которую покойный еще не успел разобрать и унести?

— Что именно?

— Вот эти ножны. Посмотрите, не подойдут ли они к тому ножу, который торчал у старика в груди.

— Покажите.

Ножны пришились как нельзя лучше. Ошибки быть не могло — нож имел слишком необычную форму.

— А что это доказывает? — спросил мастер Виль.

— Очень многое. Хотя бы то, что убийство совершил именно француз, или его спутники, или все трое вместе.

— Не исключено, — пробормотал полицейский, казавшийся более флегматичным, чем всегда.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Под баобабом в ожидании завтрака. — Виль начитался романов о путешествиях. — Прожекты будущих миллионеров. — Как каталонцы произносят «б» и «в». — Проповедник или канцелярист. — Оригинальная форма изгнания. — Наивные хитрости детей природы. — Тайна.

Четверо суток прошло после того ознаменовавшегося кровавым событием дня, когда на Нельсонс-Фонтейн приезжал Альбер де Вильрож.

Сейчас мы видим его и Александра Шони расположившимися под огромным баобабом¹. Дерево имеет чуть ли не двадцать пять метров в объёме и делится на четыре громадных разветвления, прикрывающих своей листвой довольно просторную площадку. Над жаровней шипит продетая на ветку какого-то душистого дерева туша животного средней величины, в котором естествоиспытатель с первого взгляда узнал бы капского тупорылового кабана. Это был еще всего лишь поросенок, но клыки у него были длинней, чем у старого европейского вепря.

Жозеф, который заведует всеми делами де Вильрожа, чистит ружье и одновременно присматривает за жарким, аппетитный вид и запахи которого приводят в явное восхищение двух негров, чье своеобразное одеяние мы описали выше. Их лица, скорей темно-коричневые, чем черные, расплываются от удовольствия при виде этого зрелища, радующего вечно пустые желудки туземцев.

Оба они расхваливают на своем языке вкусовые достоинства маленького слона, как зулусы зовут кабана из-за клыков, но не помогают кулинару-европейцу, а только посматривают на него, застыв в позе ленивого блаженства.

Расседланные лошади мирно пощипывают траву.

Альбер де Вильрож рассказывает кое-что, по-видимому, весьма интересное; Шони слушает своего друга внимательно и не перебивая, лишь время от времени улыбаясь его остротам, которые могли бы вывести из равновесия даже индийского факира.

— Видишь ли, дружище, — говорил де Вильрож, — в жизни всякое бывает. Ты говоришь — роман. А роман — это та же правда. Самые, казалось бы, невероятные хитросплетения человеческой фантазии в конце концов воплощаются в действительность. Вот

¹ Баобаб — дерево или, вернее, целый растительный агрегат, обладающий необычайной живучестью. Его ствол можно выдолбить, рубить, жечь, а дерево будет продолжать расти. Доктор Ливингстон описывает случаи, когда баобаб рос после того, как дерево было срублено. (Примеч. автора.)

мы с тобой лежим под этим баобабом, который торчит здесь, вероятно, с незапамятных времен. Разве одно это не подтверждает мои взгляды, которые ты назвал слишком смелыми? Что касается меня, то я рожден для всяческих приключений, не спорю. Ты помнишь, как меня бросало в лихорадку, когда я читал романы Густава Эмара о приключениях, или захватывающие драмы Габриеля Ферри, или Дюплесси, или Фенимора Купера?.. Я впивался в потрепанные страницы, сердце у меня билось, я бывал близок к обмороку, когда читал о подвигах великих искателей приключений... Эти люди казались мне не менее великими, чем великие завоеватели... Грозный Пиндре, перед которым трепетали бандиты Соньоры, отважный Рауссе-Бульбон... А скачка по Великому Западу рядом с этим канадцем Буи-Розе, истинным героем долга?.. Я так и видел выжженные солнцем долины, прииски, в которых золото сверкает, как молния, и которые находятся под охраной краснокожих демонов; безрадостные поля, на которых белеют кисти воинов, погибших в пустыне, необозримые, но проклятые леса, завлекающие беспомощного человека! Всю мою молодость меня не покидали мечты об этом едва угадываемом рае, о захватывающих страстях, которые так превозносили мои любимые писатели...

— Браво, дорогой мой! Если бы ты говорил не в пустыне — ибо здесь мы в совершеннейшей пустыне, — если бы ты выступал так красноречиво перед воспитанниками лица, ты бы сразу мог зажечь кучу юнцов... Но что касается меня, то я давно вышел из того счастливого возраста, когда люди протирают свои короткие штаны на школьных скамьях, и, скажу тебе откровенно, я не вижу ничего райского и захватывающего в том положении, в какое мы попали.

— Эх, прозаический ты человек!

— Ну давай попытаемся рассуждать по возможности здраво. Я всего-навсего обыкновенный уроженец Боса, и меня демон приключений никогда не искушал. Я прост, как земля, на которой впервые увидел свет Божий. Если бы я родился в каком-нибудь портовом городе, у моря, где корабли все время приходят и уходят и пробуждают в ребенке мысли о незнакомых краях и потребность в передвижениях, было бы другое дело. Морские дали всегда имеют обаяние экзотики, и нельзя от этого отделаться. Но ведь я-то прожил всю жизнь в таких местах, где никто о путешествиях и не мечтает. Я преспокойно делил свое время между хлопотами по имению и парижской светской жизнью...

— И вот ты попал в Южную Африку, к бечуанам, ты сидишь под баобабам, ты жарить тушу дикого кабана и сейчас будешь с

аппетитом ее уплетать. Вот оно как! Теперь ты видишь, что всякое бывает? Ты разорился до нитки и решил, что надо поскорей и честно восстановить свое благосостояние. Но ты выбрал способ довольно-таки странный для человека, привязанного к земле.

— Тоже заслуга, нечего сказать! В Париже, когда я обеднел, мои знакомые чувствовали себя неловко, встречаясь со мной. Они точно боялись, что я уташу у них бумажник! А что касается моего алмазного участка, который я бросил, то я хотел бы знать, что более достойно сумасшедшего: отправиться с тобой на поиски этой грандиозной кубышки или копаться в грязной яме, в которой можно каждую минуту погибнуть?

— Упрямый ты человек! Ну ладно, поедим жаркое и двинемся дальше, в страну миллионов.

— Почему не миллиардов?

— Пожалуйста, пускай в страну миллиардов. Мне так много даже не нужно. Когда я отстрою Вильрож, и прикуплю соседние каштановые рощи, и подарю моей Анне бриллиантовый гарнитур, я заживу, как легендарный Потемкин: я буду сорить алмазами, я буду их раздавать направо и налево. Конечно, некрасиво, когда мужчина увешивает себя этими сверкающими кусочками бульжника. Это могут делать только бразильцы. Им очень нравится быть похожими на ювелирную витрину. А я украшу бриллиантами упряжь моих лошадей, ошейники моих собак.

— Ты сошел с ума!

— Пожалуйста кушать, — прервал его Жозеф, нарезавший на ломтики хорошо прожаренное кабанье мясо.

— Если бы нас видели наши бывшие парижские друзья! Воображаю, какие шуточки посыпались бы по нашему адресу!.. — заметил Александр.

— Мы еще больше могли бы посмеяться над ними... Они едут в какой-нибудь модный кабачок и вяло жуют кусочек мяса, обработанного тонким кулинаром. Они выпивают стакан кислого вина, которое потом не могут переварить, а вечером они будут сидеть неподвижно в каком-нибудь большом зале, разделенном на тесные и неудобные уголки. Там они будут сидеть, как некие будды, и смотреть, как накрашенные мужчины и дамы встречаются под газовым фонарем и рассказывают друг другу нелепые и вымышленные истории, и наконец они поедут домой спать. В то время как мы созерцаем эту пышную природу...

— ...и едим жаркое без хлеба!..

— Здесь чистый воздух! Свобода...

— Мы ее запиваем простой водой...

— Какие великолепные деревья!..

— В их тени мы спим под открытым небом...
— Какие ослепительные цветы!..
— Они кишат скорпионами и тысяченожками...
— Какие птицы в ярких перьях!..
— Какие ленивые и грязные негры!..
— Сколько насекомых! Они более разнообразны, чем украшения султанши.

— В том числе комары и муравьи.
— Извольте идти кушать, — повторил Жозеф, прерывая таким образом беседу, которая развлекала двух взрослых, как двух детей.

Обычно, когда мысли Жозефа не бывали заняты ничем особенным, он выговаривал «б» и «в» почти как все. Но когда что-нибудь его беспокоило и он начинал говорить со всей своей каталонской словоохотливостью, то, как это почти всегда бывает с испанцами, эти две буквы менялись у него местами, и речь его порой звучала довольно странно.

— Позболтайте, месье Альвер и месье Александр, — сказал он. — Мясо будет холодное. Получится везовразие...

Затем он обратился к обоим неграм:

— Эй, бы! Вудете кушать? Ну, конечно! Тогда завирайте сбою порцию...

Негры ели с жадностью, кости так трещали у них в зубах, что крокодил и тот мог бы позавидовать. Европейцы тоже собрались поесть. Но в этом важном деле им помешал невообразимый шум и гам, поднявшийся на другом конце полянки и причину которого от них скрывала густая трава.

Это была какая-то какофония. Ее производил целый оркестр. Музыканты дули в туземные флейты, в дудки, выдолбленные из слоновых бивней, они били в барабаны и тренькали на струнных инструментах. К этим звукам примешивались свирепые вопли, которые, казалось, не могли исходить из человеческого горла.

Трое белых были захвачены врасплох. Всегда готовые к тому, что придется столкнуться с опасностью, они мгновенно схватились за оружие и расположились в трех точках, спиной друг к другу, с карабинами в руках.

Но их опасения были непродолжительны. Все трое разразились громким смехом, когда перед ними предстало зрелище, какого они еще никогда в жизни не видели. Чернокожие, производившие этот шум, шли полукругом и одной только своей бешеной музыкой гнали впереди себя какое-то существо, одетое по-европейски. Оно было похоже на зверя, которого травит разъяренная свора, и пыталось вырваться, но тщетно. Грохот барабанов, плач флейт, рычанье струн, вой костяных дудок — весь этот

— Извольте идти кушать, — повторил Жозеф, прерывая таким образом беседу, которая развлекала двух взрослых, как двух детей.

ливень звуков обрушивался на него с такой яростью, что оно еле держалось на ногах.

Александр, Альбер и Жозеф, сотрясаясь от непреодолимого смеха, были не в силах сохранить свое воинственное настроение — слишком уж необычной была такая форма преследования. Впрочем, сама внешность жертвы могла бы вызвать улыбку у наиболее невозмутимого из граждан Соединенного Королевства. Вообразите себе редко уже встречающийся в Париже тип мелкого канцеляриста лет пятидесяти, с обветренным и загорелым лицом, на котором облупилась кожа; вообразите его в высоком цилиндре, в длинном черном сюртуке с засаленным воротником и лоснящимися рукавами, в брюках орехового цвета недостаточной длины, чтобы доходить до ботинок, которые были совершенно стоптаны. Представьте себе этого человека жадно глотающим вместе с воздухом пыль и грязь. Телосложением он весьма напоминал ящик от стенных часов: посадите на этот ящик плешивую голову с морщинистым лицом и с испуганными глазами; забросьте такого субъекта куда-нибудь к туземцам Южной Африки, и вы получите некоторое представление о человеке, который, опустив голову, изгибаясь и размахивая руками, спасался от бури, поднятой неумолимыми виртуозами.

Наконец он заметил трех европейцев, подскочил от удивления и направился прямо к ним, больше не обращая внимания на своих преследователей.

— Мир вам, братья мои!

— И вам того желаю, — ответил Александр, который покусывал усы, чтобы сдержать смех.

— О неверные! О проклятые! — вопил незнакомец.

Теперь он показывал своим преследователям кулак.

Но те, увидев европейцев, и сами перестали шуметь.

— Ладно, сударь, успокойтесь! — в свою очередь сказал Альбер де Вильрож. — По-моему, эти добрые малые не питают к вам особенно враждебных чувств. Единственное, что вам грозит, — это либо оглохнуть, либо на всю жизнь возненавидеть музыку.

— Ах, брат мой, что бы для меня значила пытка, даже сама смерть, если бы мне только удалось пролить свет Евангелия на эти заблудшие души, погрязшие во тьме варварства! Но они упорствуют!..

Эти слова были сказаны по-английски.

Тогда де Вильрож шепнул своему другу:

— Да это, никак, проповедник!

— Однако скажите, пожалуйста, каковы их намерения? Чего они хотят? — спросил Александр.

— Они хотят изгнать меня со своей территории, брат мой. Меня, мирного человека, который принес им свет истинной веры...

— Изгнать вас?

— Да! Хотя они и считаются подданными ее величества, но живут по своим законам. И если вы пришли к ним с пустыми руками, то есть если у вас нет фургона, нагруженного товарами для обмена, они вас вежливо выпроваживают вон — до самой границы. В этом я убедился на собственном опыте. Я прибыл только сегодня утром, и уже мне приходится убираться.

— К счастью, они не сделали над вами никакого насилия, — сказал Александр. Он уже пожалел, что смеялся над этим беднягой.

— Они бы не посмели. Довольно близко отсюда имеются цивилизованные учреждения. Но что я теперь буду делать один и без средств?

— Успокойтесь. Мы вас не оставим. Хотите делить с нами наш скромный стол и сопровождать нас в нашей экскурсии? С нами вы можете не бояться никакой музыки.

— Увы, братья мои, если у вас нет никаких предметов, которые могут утолить их жадность, вы здесь передвигаться не сможете.

— Ну, на сей счет не беспокойтесь. Мы еще и не такое видели. Не правда ли, Александр?

— Еще бы! — ответил Александр Шони со своим великолепным хладнокровием. — Впрочем, мне кажется, что этот маскарад не больше чем шутка. Просто милые чудаки захотели повеселиться.

Во время этого короткого разговора оркестранты, которые раньше разглядывали белых с неким почтительным любопытством, подошли ближе. Затем тот, кто, по-видимому, был их вождем, повернулся к Александру Шони, которого он по солидному виду принял за начальника, и заговорил с ним на ломаном английском языке.

Внушительный арсенал трех европейцев и запасное оружие, которое держали их слуги, видимо, подействовали на черного вождя. Он подал знак, и из густых зарослей мгновенно выскочила целая регулярная рота, вооруженная копьями и старыми ружьями.

Одежда — верней, неописуемые лохмотья, которые висели на этих людях, — придавала им вид одновременно и смешной и свирепый. Вождь был в серой фетровой шляпе с белым пером, в изодранной куртке, в коротких штанах из светлой кротовой кожи, в сапогах с отворотами; он представлял собой законченный пример того, как сын природы превращается в смешную карикатуру.

К воротнику его, по туземному обычаю, были подвешены коробочка, ожерелье, нож, табакерка и хвост шакала, который служит носовым платком.

— Мой белый брат знает, конечно, что за переход через землю бечуанов надо заплатить?

— С удовольствием. Но кому?

— Мне.

— Кто вы?

— Я вождь. Меня послал царь Сикомо.

— Знаете, любезный, уж я лучше заплачу самому господину Сикомо.

Посланец казался несколько растерянным, но скоро освоился и сказал:

— Мой брат даст мне синий костюм, красную рубашку и шляпу с пером.

— У меня нет никакого старья, милый вы мой. Зайдите как-нибудь в другой раз.

— Мой брат даст мне ружье и порох...

— Ваш брат — раз уж на то пошло — даст вам монету в сто су и благословение, если вы хотите. Что касается всего остального, то мы поговорим с Сикомо.

— Но, чтобы проводить вас к Сикомо, мне нужен синий костюм.

— Мы это знаем: рубашка, шляпа с пером и так далее. Но мы надеемся обойтись без ваших услуг, так что я не вижу, почему я должен дать вам все эти вещи. Наконец, есть еще одна важная причина, заставляющая меня отказать вам: у меня попросту нет этих вещей.

— То есть как это? — воскликнул вождь с раздражением балованного ребенка. — Белый путешествует без фургона?

— Совершенно верно.

— И белый не имеет вещей, которые он мог бы обменять на слоновую кость?

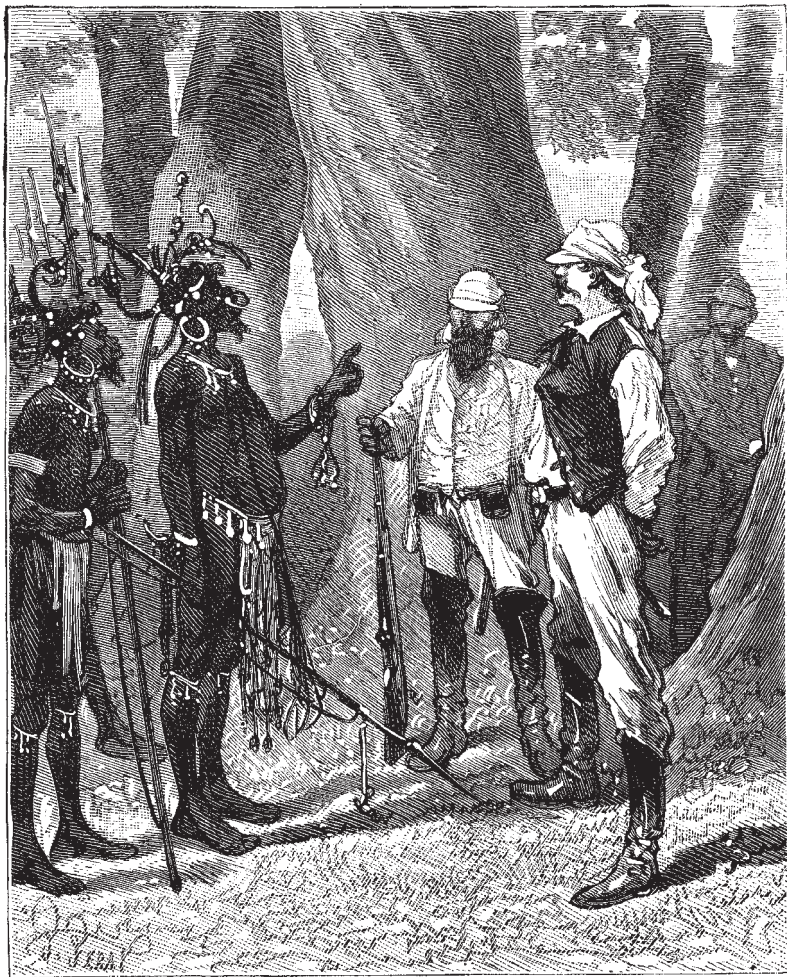
— Как видите.

— Однако зачем же вы сюда приехали?

— А мы просто прогуливаемся. Для укрепления здоровья.

— У всех белых есть фургоны, и все белые покупают слоновую кость. Почему вы этого не делаете? Кто вы?

— Ну, знаете, любезный, вы все-таки чудак. Уж не собираетесь ли вы потребовать у меня документы? Я вам буду благодарен, если вы прекратите этот допрос. Он уже начинает мне надоедать. И еще: раньше вы еле лопотали на каком-то почти непонятном английском языке, а теперь вы вдруг заговорили слишком правильно для жителя

— Мой белый брат знает, конечно, что за переход через землю бечуанов надо заплатить?

этой дикой страны. Вы, быть может, умеете также читать? Тогда я вам сообщаю, что мое имя записано у меня в паспорте, а этот важный документ служит мне в настоящий момент пыхом и лежит у меня в ружье. Если вам угодно его прочесть, я к вашим услугам.

Посланец царя Сикомо опустил голову. Он был совершенно сбит с толку.

— Я и мои воины, мы проводим наших белых братьев к Сикомо.

— Ваши белые братья обойдутся без вас и пойдут, куда им за благорассудится.

Тем временем Альбер де Вильрож сделал знак Жозефу. Тот ушел и через минуту вернулся, ведя лошадей под уздцы.

Европейцы вскочили в седла и приказали черным слугам следовать за ними.

— Мои братья не найдут ни чем питаться, ни на чем переправляться через реки, — все еще настаивал вождь.

И так как круг сужался, то Александр, Альбер и Жозеф быстро зарядили свои карабины на случай неожиданного нападения. Щелканье затворов и решительный вид трех европейцев подействовали мгновенно. Ряды сразу разомкнулись, копыта и ружья опустились.

Александр, уже готовый дать шпоры своему коню, стал искать глазами проповедника, чтобы попрощаться с ним, но его преподобие исчез.

— Вперед! — зычным голосом скомандовал Шони.

И трое всадников, сопровождаемые двумя слугами, скакавшими, как антилопы, тронулись в путь, и совершенно беспрепятственно: никто им не помешал.

— Или я сильно ошибаюсь, — сказал Альбер де Вильрож, — или вся эта орда не больше чем сброд самых отъявленных грабителей. Во всяком случае, раз мы отказались от их услуг, они объявят нам войну. Довольно скверно для начала. Как по-твоему?

— Ну вот еще! — возразил Александр. — Если они начнут на нас насаждать, мы их перещелкаем одного за другим, вот и все... А что касается проповедника, пусть сам устраивается, как умеет.

А проповедник устроился очень хорошо. Почтительно окруженный своими недавними преследователями, он с великолепным аппетитом уписывал недоеденную кабанью тушу и, оказывая честь жаркому, завел с вождем оживленный разговор, свидетельствующий об их довольно-таки странной близости.

Его преподобие явно пользовался влиянием среди недавних преследователей, что не совсем обычно для жертвы.

Не была ли вся эта комедия лишь прологом кровавой трагедии?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Чернокожие требуют плату за проход через их территорию. — О французских исследователях. — Не имея ничего другого, три француза хотят платить припасами. — Голод среди туземцев. — Рядом с хищниками. — Стадо слонов. — В чем опасность охоты на слонов. — Ужасное положение. — Под ногами толстокожего. — Волнение Жозефа отражается на его речи. — Раненые гиганты. — Лошадь под Александром пугается, на Александра наступает слон.

Всякий скажет, что затея наших трех путников была безумием. Не столько из-за намерения найти клад, самое наличие которого еще могло быть отнесено к царству химеры, сколько из-за почти непреодолимых препятствий, создаваемых и природой, и людьми.

Весело, с чисто французской беззаботностью отправиться на поиски драгоценных камней, зарытых неизвестно где на этом огромном континенте, без проводника, не имея ничего, кроме компаса и грубого чертежа, нанесенного на тряпку, да и то по указаниям невежественного кафра, — конечно, такая затея может принести много бурных переживаний, но главная цель рискует остаться недостижимой, — верней, она не может быть достигнута.

Во все времена и у всех народов исследователи, поставив перед собой цель, пускай даже химерическую, все же иногда успевали сделать памятные открытия. Однако люди, жаждущие неизвестного, верящие легенде об Эльдорадо¹, все эти изобретатели философского камня и открыватели Северного полюса всегда располагали тем, что им бывало нужно для работ.

А наши три француза пустились в глубину незнакомой страны без припасов, с оружием, которое, как хорошо знают охотники, всегда может выйти из строя, и с лошадьми, которых муха цеце, этот бич Южной Африки, может уничтожить в несколько часов. Как правильно заметил вождь чернокожих, они не имели фургона, этого дома на колесах, где путешественник всегда может укрыться в непогоду и где, что весьма существенно, он может возить всякий хлам, которым расплачивается за проезд.

Между тем надо отметить, что многие африканские царьки чрезвычайно ревниво относятся к неприкосновенности своих владений. Не то чтобы они были так уж свирепы (я говорю главным образом о тех, которых можно встретить между экватором и

¹ Эльдорадо — легендарная страна между Ориноко и Амазонкой, которую якобы открыл Орельяно, сподвижник Пизаро, и которая, по его предположению, была богата золотом.

крайним югом) и чтобы они вообще отказывались пускать к себе путешественников, но за разрешение пересечь их территорию они требуют плату, и нередко довольно высокую.

Сколько исследователей застревало на долгие месяцы, едва вступив во владения этих наивных и алчных тиранов! Сам знаменитый Ливингстон бывал вынужден, исчерпав аргументы и материальные возможности, менять свои маршруты и, преодолевая новые большие трудности, обходить эти негостеприимные земли. Только один Стенли сумел противопоставить силу этому налогу на транзит. Но Стенли, который завалил трупами весь свой путь от Занзибара до Конго, весьма и весьма подорвал дело мирного завоевания Экваториальной Африки.

Он поступил плохо с точки зрения гуманности. Наука имеет неотъемлемые права, но и права гуманности непререкаемы, и не может быть антагонизма между гуманностью и наукой.

Должен ли я напомнить об уничтожении жителей Тасмании, об истреблении австралийцев, о массовых расстрелах населения Капской колонии, о вымирании краснокожих на Дальнем Западе? Почему мне не привести прославленные имена французских исследователей, которые вдохновляются только благородными примерами и взяли себе за правило человеколюбивый девиз: «Мягкость, убеждение»? Я имею в виду отважного Жана Дюпюи, открывшего на Дальнем Востоке путь, который тридцать лет искали англичане, и мирно покорившего десять миллионов тонкинцев; я говорю о добром Солейе с нежным профилем апостола, — его память чтут даже разбойники Сахары; об энергичном Брю де Сен-Поль-Лиа, который утвердился на Суматре и завоевал дружбу свирепых малайцев; о Баполе, счастливом исследователе Фута-Джалона; об ученом Дезире Шарне, который вывез из Мексики целую древнюю цивилизацию; о храбром Бразза, которому мы обязаны колонией в Габоне; о неподкупном правителе Шессе, который дал нам Таити; об Альфреде Марше и Ашиле Рафре, которые обогатили наши естественно-исторические коллекции; об аббате Дебезе, скончавшемся в трудах на берегу Танганьики, и несчастном Крево, который стал жертвой, потому что не пожелал быть палачом. Они себя вели не как завоеватели, они не появлялись вместе с многочисленными и хорошо вооруженными войсками; они не привозили в колонии продукты цивилизации в виде разрывных пуль. Они подвигались как подлинные посланцы мира и прогресса. Если они и пали жертвами своей преданности науке, то, по крайней мере, они ее не опозорили. И даже наоборот, ибо для великих идей кровь мучеников — лишь благотворная роса.

* * *

Что касается предприятия наших героев, то, даже не будучи бескорыстным, оно, однако, не лишено смелости и не ограждено от опасностей. Вильрож и Шони хотели бы продвигаться быстро и без лишних приключений пересечь область, ревниво охраняемую от белых. Трудность удваивается, если вспомнить, что у них нет ничего с собой. Но Альбер де Вильрож при всей своей внешней беспечности был весьма наблюдателен; к тому же он был знаком с трудами тех, кто изучал здешние места до него. На основании всего этого он нашел верный, как ему казалось, способ улаживать всякие трудности.

— Видишь ли, — сказал он Александру, — сейчас самый разгар засушливого времени года...

— Это нетрудно заметить, — признал Шони. — Трава стала как трут, листья пересохла, а лошади поднимают препротивную пыль.

— Вот и отлично!

— А мне и в голову не приходило, что это отлично.

— Сейчас увидишь. Добрые люди, которые живут в этом солнечном краю, никогда не читали нашего дорогого Лафонтена и не знают его милой и поучительной басни «Стрекоза и Муравей».

— Допустим.

— Они не позаботились отложить запасы на нынешнее бедственное время. У них, просто говоря, жрать нечего, и они сейчас пляшут на голодный желудок.

— Мы можем плясать вместе с ними. Этакую «кадриль пустого брюха»!

— Ну, что ты! Имея ружья? Неужели ты не смог бы всадить пулю в глаз слону или подстрелить хотя бы простую антилопу с расстояния в сто метров?

— Допустим.

— Вот видишь! Выходит, что мы явились сюда как спасители этих бедняг! Мы охотимся и наваливаем им целые горы битого мяса. За прохождение по их земле мы платим натурой. Не я буду, если у них окажутся неблагодарные желудки. Твое мнение?

— Мысль блестящая!

— Значит, ты со мной согласен? Я даже думаю, что нам не придется надолго откладывать наше намерение. Видишь эту движущуюся черную линию под холмом? Это негры...

— Вижу, — сказал Шони, подымаясь на стременах.

Три француза дали шпоры своим лошадям и помчались галопом по направлению к холму.

А негры, которые там находились, имели самый жалкий вид. Их было человек сто, в том числе женщины и дети. Исхудалые, изможденные, кожа да кости, они все казались больными какой-то страшной и странной болезнью.

Увидев европейцев, они стали испускать крики радости. Быстро образовав круг, они простерлись на земле и стали подносить руки ко рту и к животу, то есть делали тот выразительный жест, который во всех странах мира означает: я голоден.

— Ах, бедняги! — воскликнул Альбер, на которого зрелище произвело тяжкое впечатление. — Да они чуть живы! Они умирают!..

— Еще бы! — подтвердил Александр. — Вот теперь-то и надо взяться за охоту и дать им возможность пообедать, пока не поздно. Я только боюсь, дичи здесь мало. Что за несчастная страна! Земля растрескалась, родники иссякли...

Один из этих несчастных знал несколько слов по-английски. Дополняя их жестами, он объяснил, что все они являются последними из оставшихся в живых жителей некогда цветущей деревни. Между ними и их соседями возникла ссора, обе стороны взялись за оружие. Была отчаянная борьба, они оказались разбиты, неприятель унес весь их урожай и сжег деревню. В довершение несчастья стоит засушливая погода. Никаких источников существования. Они скитаются по лесам в поисках корней, ягод, диких фруктов, черепах или насекомых. Из-под просохшего слоя земли они выковыривают лягушек, которые там прячутся до наступления дождей. Жалкое пропитание! Многие погибли от голода. Их стрелы и копья не годятся для охоты за крупным зверем, который водится неподалеку. К тому же враги расположились на берегу речки, как раз в том месте, куда приходят на водопой слоны и носороги и где плещутся бегемоты. Они не могут найти хотя бы птичьи гнезда. Обычно они доставали неоперившихся птенцов и жаривали их живыми, потому что окрепшие птенцы улетают далеко и за ними невозможно охотиться, не имея ничего, кроме «ноббери» — суковатой палки, которую они бросают, правда, с большой ловкостью.

Слова «слон», «носорог», «бегемот» пробудили в наших трех французах охотничью страсть. Свалить такое огромное толстокожее, совершить такой ловкий и смелый поступок, осуществить эту мечту всякого цивилизованного Немврода¹ и вместе с тем сделать доброе дело — вот вам двойной соблазн, и они даже не подумали ему сопротивляться.

¹ Немврод — легендарный царь Халдеи, страстный охотник. Его имя стало нарицательным для обозначения охотников.

Переводчик вызвался служить им проводником. Они согласились с понятной радостью и отправились немедленно, оставив черным слугам гладкоствольные охотничьи ружья и захватив крупнокалиберные карабины.

После довольно трудного перехода, длившегося не меньше часа, они добрались до почти совершенно высохшей реки, куда обычно приходили на водопой крупные звери. Здесь кончается пустыня и лес подымается высокой зеленой стеной. Нечего и думать о том, чтобы пробраться в эти заросли верхом. Лошадей стреножили и оставили. Проводник советовал соблюдать абсолютную тишину. Скоро на водопой придут слоны. Они придут непременно. Видно сразу по свежим следам, что они сюда ходят. Охотники легли на землю, за деревьями, зарядили карабины и стали ждать.

Не успели они, однако, приготовиться, как издалека послышался шум, похожий на грохот приближающегося поезда. Сходство усилилось еще и благодаря размеренному покашливанию, напоминавшему пыхтение паровоза. Нетрудно было разобрать, что шум идет со стороны чащи, из глубоких проломов, ведущих к реке.

Альбер де Вильрож лежал ближе других. Он приподнялся на локтях и увидел в пятидесяти метрах от себя огромного слона. Александр, расположившийся вправо от своего друга, вскоре увидел на полянке еще восемь слонов. Они шли гуськом. По их огромной величине, по могучим бивням Александр узнал самцов. Девятый слон, чуть поменьше, замыкал шествие. Это была беззубая самка. Таких буры зовут «carl cop» — «голая голова».

Смелые охотники зачарованы. Они любят гигантами. Слоны шагают медленно и торжественно, сотрясая землю и ломая заросли с непреодолимой силой снаряда. Выйдя к спуску, ведущему к воде, они имели совершенно фантастический вид.

Александр выжидал удобной минуты, чтобы выстрелить. Плотно прижавшись к земле, согнув локти под прямым углом и крепко держа карабин в руках, как в сошках, он прицелился в третьего слона, выбирая точку между ухом и глазом.

Альбер, как человек более горячий, вспомнил поучительные слова доктора Ливингстона: «Пусть тот, кто собирается стрелять слонов, станет посреди железнодорожной колеи, пусть он слушает свисток и убежит не раньше, чем поезд будет в двух-трех шагах от него. Тогда он будет знать, позволяет ли ему его нервная система идти на слона».

И в самом деле, нетрудно понять, как опасно тягаться с этим огромным животным, которое бежит, как лошадь в галопе, и не знает никаких препятствий. Этот гигант прорывается сквозь за-

росли, опрокидывает или ломает все, что ему попадает на пути, вырывает хоботом из земли или растаптывает ногой, след которой имеет до двух метров в окружности, все, что может служить защитой его врагу, и ко всей этой грозной мощи присоединяет ужасный рев.

Каталонец увидел, что все описания, которые он читал у знаменитых охотников, справедливы. Ни Левайян, ни Андерсон, ни Вальберг, ни Болдуин, ни Делегорг ничего не преувеличивают.

Позиция, которую занимал Жозеф, была крайне неудобна для стрельбы. Он находился как раз против первого слона, но видел только его голову и массивные, колонноподобные ноги. Если бы он хоть мог видеть грудь! Нечего и думать о том, чтобы свалить слона, попав ему в череп, — это все равно, что пытаться пробить стальную броню.

Стадо уже на берегу. Река едва ли имела метров двадцать в ширину. У жоака выражение добродушное и одновременно хитроватое. Он с любопытством оглядывает оба берега, затем, моргнув своими маленькими глазками, глубоко втягивает воздух. Хобот выпрямляется и вытягивается в сторону охотника, который видит огромную пасть с отвислой нижней губой и два монументальных бивня. Слон как будто встревожен. Он медленно оборачивается к своим, как бы говоря им: «Внимание!» Альберу мешал пень, и он не мог использовать это движение слона. Со своей стороны, Александр не мог понять причины такого промедления Альбера и нетерпеливо бормотал про себя: «Какого же черта он не стреляет?»

Секунды начинают казаться часами. Слоны несколько успокаиваются. Подгоняемые жаждой, они решительно входят в воду, разбрасывая вокруг себя сверкающие брызги, немедленно начинают зачерпывать воду хоботом, поливать себе бока и резвиться как обычно.

Два оглушительных выстрела, а через полсекунды и третий прокатываются над лесом, как отдаленный гром, и немедленно вслед за ними — крик ярости и боли. Это вопит слон. Кто однажды слышал этот вопль при подобных обстоятельствах, никогда его не забудет. Один из гигантов, точно сраженный молнией, застывает на какое-то мгновение и затем валится в ужасных судорогах.

Это выстрелил так мастерски Александр. Как человек осторожный, он сохранил неподвижность и сберег свой второй заряд. Обезумевшие слоны убегают, храпя от ярости и ужаса, и исчезают в зарослях баугиний. Однако убегают не все: два из них тяжело ранены.

Жозеф выстрелил одновременно со своим господином. Он стрелял в слона, который смотрел прямо на него. Не надеясь по-

пасть в грудь, он выстрелил в переднюю ногу. Он не мог сделать ничего лучшего. Животное продолжало вопить и, хромая, пустилось вдогонку стаду. Сейчас можно будет пойти по его кровавому следу.

Альберу не повезло, и положение его стало чрезвычайно серьезным, почти безнадежным. Полагаясь на пробойную силу конической пули восьмого калибра, которую вытолкнули из ствола пятнадцать граммов мелкого пороха, он стрелял в предплечье. Рана должна была быть смертельной. Но, на свою беду, Альбер не учел огромной живучести животного, которое невозможно свалить с первого выстрела. Слон заметил стрелка и ринулся туда, где еще не развеялось облачко дыма. Альбер попытался уложить его вторым выстрелом, но раненое животное передвигалось с быстротой, которую ярость только усиливала, и охотник промахнулся. Не успел он вскинуть ружье, как страшная масса уже раскачивалась у него над головой, грозя раздавить его. Ни бежать, ни хотя бы укрыться не было возможности. Он едва мог защищать свою жизнь.

Александр выскочил из своей засады. Он, разумеется, забыл всякую осторожность и поспешил на помощь своему другу. Альбер сидел на корточках и понимал, что это выгодно только для зверя: сейчас слон либо обхватит его хоботом, либо раздавит ногами. Он кинулся на спину, крепко уперся ружьем в землю и, громко крича, спустил курок. Пуля попала слону прямо в грудь. Оглушенный выстрелом, ослепленный вспышкой, напуганный криками охотника, слон на мгновение остановился, потом повернулся и удрал.

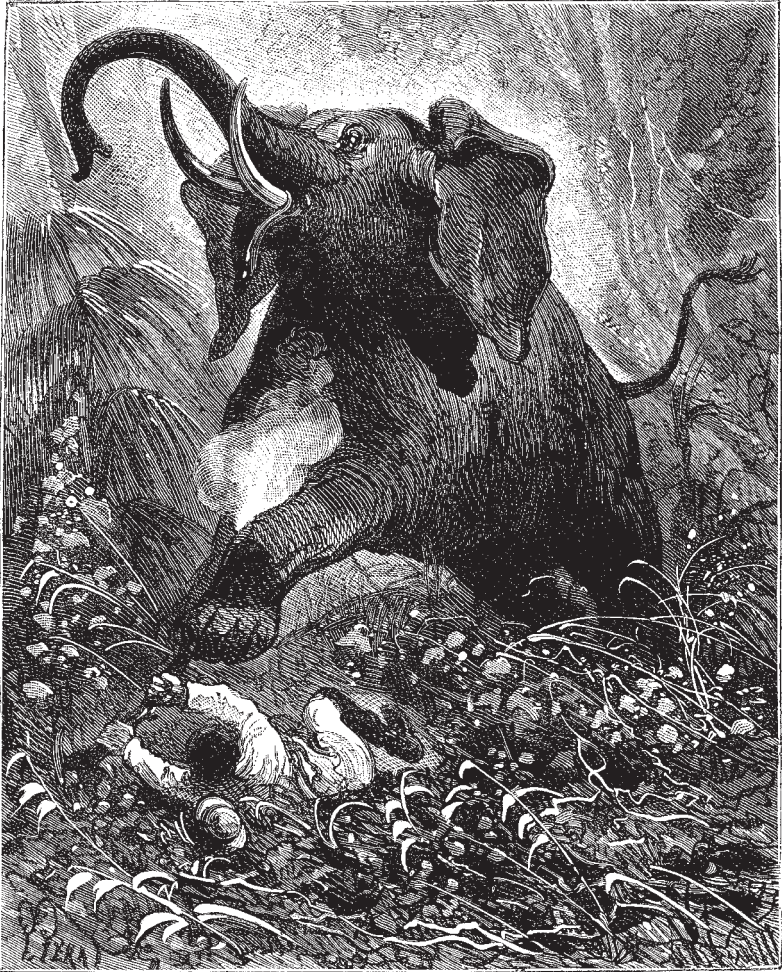
Оба друга вздохнули с облегчением. Они быстро перезарядили карабины на случай, если опасный враг вернется.

— Уф! — восклицает Альбер с нервной дрожью в голосе. — Наконец-то!

— Черт возьми! — отвечает Александр, сжимая его в объятиях. — У меня мурашки побежали по телу. Мне показалось — он тебя раздавил. Ты цел?

— Цел и невредим и ничего не понимаю. Если бы я не отодвинулся чуть в сторону, все было бы кончено. Я уже чувствовал на себе его хобот. Что за страшная сила у этих чудовищ! У него в теле сидят две пули по шестьдесят пять граммов каждая, а он ломает толстые деревья, как спички!

— Что мы сейчас предпримем? Тот, в которого я стрелял, не подает признаков жизни. Я думаю, он убит окончательно и бесповоротно. Давай пока этим и ограничимся. У наших голодающих есть чем насытиться — смотри, какая гора мяса!

*Он кинулся на спину, крепко уперся ружьем в землю
и, громко крича, спустил курок.*

— Да ни за что на свете! Я еще должен разделаться с этим мошенником. Он нагнал на меня такого страха, — я обязательно должен с ним разделаться! И, по-моему, рана у него все-таки смертельная. Было бы грешно не узнать, куда девались его бранные останки. Но ведь Жозеф тоже стрелял. И он уверен, что тоже нанес своему слону серьезную рану. А я его знаю, — он свою добычу так не бросит. Однако куда он девался? Эй, Жозеф!

Жозеф прибежал, задыхаясь от волнения. Волосы его были взъерошены, лицо и руки исцарапаны.

— Ах, месье Альвер! — кричал он. — Месье Альвер! Я собсем потерял голову! Я думал, что не выдержу!

— Успокойся, дружок! Я цел и невредим, как видишь. Но ты-то что делал?

— Зберь стоял прямо протиб меня. Я быстрелил.

— Я тебе сказал стрелять в переднюю ногу.

— Я так и сделал.

— Попал?

— Еще как! Он кричал, а потом увежал, как заяц.

— Ты собираешься догонять его, я надеюсь?

— Упаси меня Бог!

— Как, такой заядлый охотник, как ты, и отказывается от такой добычи?

— Я-то, конечно, пойду поискать его, но вы — нет!

— Это еще почему?

— Потому что я хочу привезти вас домой в целом виде. Наконец, что я скажу мадам Анне? Она мне строго наказала присматривать за вами.

— Тише! Ей мы ничего не скажем. Давай в погоню! Я уже успокоился, да и ты перестал путать «б» и «в».

— Я считаю, — вставил Александр, — что правильно было бы сесть на коней! Кто его знает, куда нас заведет погоня за ранеными слонами.

— Верно!

Спустя несколько минут три смелых товарища ехали по следам одного из слонов — того, который, отступая, поливал землю потоками крови. Они не прошли и пятисот метров, когда Альбер первым увидел его: слон лежал в густой чаще. Он, видимо, умирал. Глухое дыхание еле вырывалось из его пасти. Он уже не пытался идти дальше и только запускал хобот себе в самое горло, выкачивал воду из желудка и обмывал свои раны, из которых текли пенящиеся красные струи.

Александр шел впереди. Он припустил коня, однако подумал и о том, чтобы оставить себе на всякий случай возможность быстро

отступить. Когда он был не больше чем в тридцати шагах, слон заметил его, поднял хобот и напал на него, издавая яростные вопли.

У Альбера и Жозефа лошади испугались, встали на дыбы и понесли в чашу. Конь Александра с испугу уперся всеми четырьмя ногами в землю. Он стоял как вкопанный, храпел и не желал или не мог повиноваться своему всаднику, хотя тот до крови вонзил ему шпоры в бока.

Окаменев от страха, конь продолжал неподвижно стоять, даже когда слон был близко. Всадник видел только голову слона и хотел выстрелить. Если бы пуля попала в самую середину черепа и хотя бы даже не пробила черепную коробку, она бы оглушила животное и человек успел бы соскочить с седла и укрыться в чаше. Но в довершение всего конь стал мотать головой, и это мешало всаднику прицелиться.

Слон был в каких-нибудь десяти метрах.

Александр почувствовал близость своей гибели.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Белый носорог. — Он поднимает и коня, и всадника. — «Подожди ты у меня!» — Неплохая коллекция заноз. — Африканский слон. — Как устроены бивни. — Взрыв. — Лечение слона. — Как измерить рост слона. — Жареные ноги. — Жаркое из хобота. — Вес бивней и цены на слоновую кость. — Прекрасное место для цилиндрической пули восьмого калибра. — Сушеное мясо. — Тревога.

Невообразимый, неправдоподобный случай сразу переменял обстановку. С шумом ломая все на ходу, из зарослей вылезла огромная, передвигающаяся на коротких ногах беловатая масса и пошла прямо на слона.

Это был белый носорог. По-видимому, его потревожил топот лошадей, и он с глухим ворчанием удирал.

Слон захрипел и остановился.

Гиганты столкнулись, и силу этого столкновения нетрудно себе представить. Носорог, увидев своего самого опасного врага, пришел в неописуемую ярость. Он крепко уперся всеми четырьмя ногами, нагнул свою безобразную голову, затем с непреодолимой силой подбросил ее вверх и вонзил свой рог умирающему слону прямо в брюхо. Раздался глухой удар, затем треск раздираемых кожных покровов, и на землю вывалились внутренности. Слон качнулся справа налево, затем рухнул, даже в последнюю свою минуту стараясь подмять под себя своего врага. Но тот отскочил в сторону с про-

ворством, которого никто не мог бы и подозревать у такой бесформенной массы, и оказался на расстоянии едва одного метра от коня Александра.

А это глупое животное, еще более напуганное, чем раньше, стояло на месте и продолжало мотать головой. Носорог, весь в крови, ринулся на коня.

Все дело продолжалось несколько секунд. Носорог повторил удар, который только что так успешно нанес слону. Что значат для животного, наделенного такой силой, всадник и конь! И тот и другой были подброшены в одно мгновение.

Конь перевернулся в воздухе и свалился с распоротым брюхом. Он еще пытался бить ногами, но совершенно бесполезно.

Что же касается всадника, то он не упал, и в этом было его счастье. Александр Шони сохранил полнейшее хладнокровие. Почувствовав толчок, он бросил карабин, привстал на стременах, ухватился обеими руками за ветвь и, будучи прекрасным гимнастом, поднялся на мускулах. Через секунду он уже спокойно сидел на дереве и не без любопытства смотрел, как внизу бушует разъяренный носорог. А тот вертелся вокруг самого себя, перебежал от туши коня к туше слона, наносил им исступленные удары и катался в луже крови. Затем по-видимому считая свое дело законченным или же просто устав от такой гимнастики, он спокойно ушел в чащу.

Тогда охотник, чудесному спасению которого помогли счастливая звезда и самообладание — два важных козыря в игре, — выждал несколько минут, пока его невольный спаситель уйдет достаточно далеко. Затем он с бесчисленными предосторожностями покинул свое убежище, которое вполне можно было назвать воздушным или возвышенным, подобрал карабин, осмотрел его, убедился в его исправности и щелкнул языком в знак удовлетворения.

— Горячее было дельце, черт возьми! — пробормотал он. — Я остался без коня. Но тут можно сказать, что не было бы счастья, да несчастье помогло. Это глупое животное могло сыграть со мной еще не такую штуку. Но у меня есть карабин, есть припасы, я могу обороняться.

Он углубился в лес, и внезапно ему почудилось, будто ломают ветви.

— Черт возьми! — воскликнул он. — Неужели мне предстоит еще раз схватиться с каким-нибудь толстокожим? Ну, уж на сей раз подожди ты у меня!..

А шум приближался. Александр даже услышал человеческие голоса. Дрожь пробежала у него по всему телу при мысли, что это Альбер и Жозеф натолкнулись на третьего слона.

Александр бросил карабин, привстал на стременах, ухватился обеими руками за ветвь и, будучи прекрасным гимнастом, поднялся на мускулах.

Тревога его была непродолжительной, потому что очень скоро перед ним раскрылась картина, которая при всяких других обстоятельствах могла бы рассмешить кого угодно. На полянке, которая образовалась в зарослях после того, как слон и носорог вытоптали растительность, показались верхом на лошадях Жозеф и Альбер. Но в каком виде, великий Боже! Жозеф был без шляпы, платье в клочьях, лицо и руки в крови. Он с трудом сдерживал лошадь, белую масть которой трудно было узнать из-за тысяч усеявших ее красных точек.

Надо было видеть ярость этого пылкого каталонца и слышать, какими ругательствами он честил своего обезумевшего от испуга коня. Жозеф выпустил из рук поводья, а уздечка порвалась, и бог его знает, сколько могла бы продолжаться эта безумная скачка, не подвернись здесь Александр и не схвати он коня за храп.

А рука у нашего приятеля была крепкая, и лошадь это почувствовала: она сразу остановилась как вкопанная, так что всадник вылетел из седла кубарем и выразил свои чувства, обозвав коня мерзавцем.

Альбер выглядел не лучше. Вся разница была в том, что он еще кое-как мог править своим конем. Он буквально остолбенел, увидев, что здесь натворил носорог.

— Да откуда это вы? — спросил Александр, которого необычный вид его спутников и рассмешил, и встревожил.

— Черт бы их побрал, этих дурацких коней! — ответил де Вильрож. — Они затащили нас в заросли колючек.

— О, это мне знакомо! Попадешь в такое милое место, и тебе покажется, что там растут одни штыки. Да ты похож на подушечку для булавок! Ты весь утыкан колючками. К тому же они причиняют сильную боль, эти *Wagt een veetje*.

— Как, как?

— *Wagt een veetje*. По-голландски это значит «подожди немного». А по-английски *wait a bit*.

— Какой ты образованный!

— Вот видишь? Но позволь, я тебе помогу удалить все эти проклятые колючки. Подожди немного.

— «Подожди немного»?.. Вот уж, действительно, точнее и сказать нельзя!

Александр извлек из кармана небольшой дорожный набор инструментов, достал ланцет и принялся за дело.

Тем временем Жозеф глазами знатока рассматривал слона и лошадь, которых так обработал носорог, и в нем тотчас проснулся страстный любитель боя быков.

КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА

Часть первая МОЛОКОСОСЫ

ГЛАВА I

Смертный приговор. — Бур и его друг, молодой француз. — Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог. — Осужденный сам роет себе могилу. — Казнь. — Трагическая сцена. — Месть. — Капитан Сорви-голова и погоня за ним.

Старший сержант, исполняющий обязанности секретаря военно-полевого суда, поднялся. В руке у него клочок бумаги с приговором, который он только что нацарапал. Резким и сухим голосом, отчеканивая каждый слог, он прочитал его осужденному:

— «Совет полка, заседая в качестве военного суда, единогласно приговорил к смертной казни Давида Поттера, виновного в отравлении двадцати пяти лошадей четвертой артиллерийской батареи. Приговор окончательный, обжалованию не подлежит и будет приведен в исполнение немедленно».

Пять членов суда в белых касках, с кобурами на поясных ремнях сидят на складных стульях, небрежно придерживая коленями сабли; у них надменный и презрительный вид джентльменов, вынужденных исполнять неприятную и скучную обязанность.

Один из них, молодой капитан, даже пробурчал сквозь зубы:

— Бог мой!.. Столько церемоний, чтобы отправить на тот свет какого-то мужика-мошенника, белого дикаря, мятежника, грабителя и убийцу!

Но председатель суда, красивый мужчина в форме полковника гайлендеров Гордона¹, остановив его легким движением руки, обратился к осужденному:

— Что можете вы сказать в свое оправдание, Давид Поттер?

Бур, который был на целую голову выше своих конвойных артиллеристов, стоявших по обе его стороны с шашками наголо, лишь презрительно пожал плечами. Потом отвернулся от членов суда и через тройную цепь солдат, выстроившихся с примкнутыми штыками вокруг судилища, устремил свой ясный взгляд туда, где стояли его неутешные родные.

Там, возле фермы, рыдала, ломая в отчаянии руки, молодая женщина, душераздирающе кричали дети, несчастные родители осужденного грозили завоевателям своими немощными кулаками.

А яркие лучи солнца, словно желая подчеркнуть эту скорбную картину, пробиваясь сквозь причудливую листву акаций и гигантских мимоз, светлыми зайчиками играли на лугу, травяные волны которого уходили в недоступную для глаза даль.

Здесь он жил, любил, страдал и боролся до последнего дня.

На какой-то миг его взор затуманился слезой умиления, но ее тотчас же осушил гнев.

Он выпрямился и, сжав кулаки, хриплым голосом ответил полковнику:

— Вы осудили меня за то, что я защищал свободу и независимость своей родины... Что же! Вы сильнее — убейте меня!

— Мы судьи, а не убийцы! — с негодованием прервал его председатель. — Вы, буры, ведете бесчестную, недостойную цивилизованных людей войну... Война тоже имеет свои законы, и мы судим вас по этим законам.

— А по-вашему, это честная война, когда десять, пятнадцать, двадцать человек нападают на одного? — вскричал бюргер².

¹ Гайлендеры — горцы-шотландцы. Здесь речь идет о полке, которому присвоено имя офицера и географа шотландца Чарлза Джорджа Гордона. *(Это и все последующие примечания, кроме специально оговоренных, сделаны переводчиком.)*

² Бюргер — бур-гражданин, то есть коренной бур, пользующийся правами гражданства.

— Мы сражаемся с открытым забралом при помощи нашего оружия. И мы не судим тех, кто воюет с нами таким же оружием. А прибегать к яду подло, — продолжал полковник. — Сегодня вы травите лошадей, завтра возьметесь за людей... Это заслуживает сурового наказания.

Бур, не разбиравшийся в таких тонкостях, гневно возразил:

— Я действовал как патриот, который уничтожает все, что служит войне: людей, скот, военные материалы. И вам не удастся втолковать мне, почему убивать людей из ружья почетно, а травить ядом лошадей подло.

— От этого животного толку не добьешься, — снова процедил капитан, в глубине души смущенный наивной логикой крестьянина.

— Слушание дела закончено! — властно вмешался председатель. — Давид Поттер, приготовьтесь к смерти.

— А я и не прошу пощады. Если бы вы оставили меня в живых, я снова принялся бы за прежнее. Но я буду отомщен!.. Да, жестоко отомщен! Пролейте мою кровь. Пусть она льется рекою!.. Кровь мучеников за независимость — это роса, питающая свободу!

Эти слова, произнесенные громовым голосом, бросили в дрожь людей, собравшихся перед фермой. А пораженный ими старший сержант, крикнув, возобновил чтение приговора:

— «Осужденный сам выроет для себя могилу. Приговор будет приведен в исполнение взводом из двенадцати человек. Ружья зарядит сержант. Причем только шесть из них должны быть заряжены боевыми патронами, остальные же — холостыми».

Услышав этот странный параграф приговора, осужденный разразился смехом, жутко прозвучавшим в такую минуту.

— Ха! Ха! Ха!.. Понимаю... Мне как-то говорили об этом, да я, признаться, не верил! — воскликнул бюргер. — Вы боитесь, как бы солдаты не стали жертвами мести за расстрелянных? И надеетесь такой уловкой отвести от них эту месть? Вы думаете, что если солдат, убивающий патриота, сам не знает, заряжено боевым патроном его ружье или нет, то другие и подавно не узнают?.. Глупцы! Солдатам нечего бояться: моя месть не падет на головы этих невольных соучастников вашего преступления. Она настигнет вас... да, только вас, так называемых судей, истинных и единственных виновников. Вас пятеро, вы сильны и здоровы, за вами английская армия численностью в двести тысяч человек — и все равно месть поразит вас всех пятерых, и вы погибнете злою смертью, потому что я присуждаю вас к ней — я, обреченный на смерть.

Председатель встал и бесстрастно произнес:

— Мы судим по праву и совести, и ваши угрозы не трогают нас. По закону вам не дозволяется общение с людьми, но из человеколюбия я разрешаю вам проститься со своим семейством.

По его знаку тройная цепь солдат разомкнулась. Через образовавшийся проход ворвались убитые горем родные осужденного.

Их человек тридцать; впереди жена Давида. Вне себя от горя, она бросается на грудь любимого и верного спутника своей жизни и иступленно сжимает его в объятиях. Она не в силах вымолвить ни слова, убитая неотвратимостью страшной беды.

Возле нее красивый юноша. На нем охотничий костюм отменного покроя, изящество которого, так резко отличавшееся от скромной одежды буров, возбудило любопытство англичан.

Грустная улыбка озарила лицо осужденного при виде юноши.

— Давид!.. Мой хороший, добрый Давид!.. Вот как нам довелось свидеться! — воскликнул молодой человек.

— Вы? Неужели это вы, мой дорогой мальчик?.. Как я счастлив!.. Видите, они схватили меня — это конец... Не видать мне торжества нашей свободы и независимости.

— Погодите отчаиваться!.. Я попробую поговорить с ними, — произнес юноша.

Он подошел к собиравшимся уже уйти членам военного суда. Сняв шляпу, но не теряя чувства собственного достоинства, он обратился к председателю:

— Умоляю вас, милорд, прикажите отсрочить казнь... Сжальтесь над этой несчастной женщиной, над детьми, над этим человеком, действиями которого руководило лишь благородное чувство патриотизма. Вы сыны великой, сильной нации, будьте же великодушны!

— Мне очень жаль, — ответил полковник, отдавая честь зятю в перчатку рукой, — но я бессилён помочь.

— Несколько дней жизни!.. Всего лишь несколько дней! Одну только неделю — и я берусь выхлопотать для него помилование.

— Не могу, молодой человек. Приговор произнесен именем закона, а все мы рабы закона, начиная от ее величества королевы и кончая последним из наших парней.

— Я внесу залог.

— Нет.

— Десять тысяч франков за каждый день...

— Нет.

— Сто тысяч франков за день... Это составит миллион за десять дней!

— Миллион? Но кто же вы такой?

— Человек, умеющий отвечать за свою подпись, — ответил юноша с характерной для него вызывающей, но исполненной достоинства дерзостью. — Давид Поттер спас мне жизнь, и, если понадобится, я отдам за него все до последней копейки, до последней капли своей крови!..

— Такое чувство делает вам честь, — прервал его полковник, — но на войне трудно руководствоваться чувствами. А теперь выслушайте меня внимательно, — продолжал он. — У меня есть сын, примерно вашего возраста, он служит офицером в моем полку. На нем сосредоточил я всю свою отцовскую нежность, все честолюбие солдата... Так вот, предположим, что он находится в плену у буров и должен быть расстрелян, как будет сейчас расстрелян этот человек. Предположим также, что мне, его отцу, предлагают его жизнь в обмен на жизнь Давида Поттера...

— И вы?.. — задыхаясь от волнения, спросил юноша.

— Не принял бы предложения, и мой единственный сын погиб бы!

Словно оглушенный этими словами, юноша опустил голову. Он понял: ничто уже не может спасти осужденного и настаивать бесполезно. Впервые постиг он весь ужас этого страшного бича, этого бедствия, которое превращает убийство в закон и нагромождает горы трупов, этого позорящего человечество чудовища, имя которому война!

Вернувшись к буру, окруженному рыдающими родными, он взял его руку в свои и с неизъяснимым выражением нежности и сожаления воскликнул:

— Мой добрый Давид!.. Я думал смягчить их — ничего не вышло... Надеяться больше не на что.

— И все же я так благодарен вам, мой маленький храбрый француз, за ваше участие, — ответил бюргер. — Бог свидетель, на сердце становится теплей, когда видишь, что за наше дело борются такие люди, как вы!

— Неужели я ничего не могу сделать для вас? — прошептал юноша.

— Можете! Пробыть возле меня вместе с моей женой и детьми до последнего моего вздоха... Отомстить за меня! Всегда сражаться так же, как... поняли? И ни слова больше... Здесь слишком много ушей...

— Обещаю, Давид!

Офицеры между тем расходились по своим палаткам, с любопытством поглядывая на этого мальчика, который жонглировал миллионами и говорил, как мужчина.

Остались только старший сержант, два артиллериста и пехотинцы, окружавшие место, где стояли осужденный и его близкие. Сержант резким голосом приказал одному из солдат одолжить осужденному свою лопатку.

Солдат отстегнул подвешенную на поясе, пониже рюкзака, валлийскую лопатку, которыми снабжена вся английская пехота, и подал ее буру, а старший сержант, указав пальцем на землю, пояснил:

— Dig!.. Копай!..

Пожав плечами, бур спокойно ответил:

— Я не прикоснусь к этому английскому изделию, не стану мараить своих рук, да и родную землю, в которой мне суждено покоиться вечно. Принесите-ка мне кирку да лопату, славные мои орудия. С их помощью я вспахал эту девственную землю, опустошаемую теперь завоевателями.

Ему принесли. Он схватил рукоятки, отполированные долгим трением о его огрубевшие от труда руки, и блестящее железо зазвенело. Потом двумя длинными шагами он отмерил на красноватой земле свой гигантский рост и засек две глубокие зарубки. Английские солдаты, умеющие ценить мужество, не могли скрыть восхищения.

Бур поплевал на ладони, сжал рукоятку кирки и целиком ушел в свою зловещую работу.

— Ну-ка, Давид, — бормотал он, — пошевели-ка в последний раз вскормившую тебя землю.

Согнув спину, напрягая руки и шею, на которых, словно веревочные узлы, выступили мускулы, он мощными ударами стал вгрызаться в землю вельдта¹, и она, проносясь между его ног, послушно ложилась позади него. Затем он старательно выровнял лопатой яму, придав ей форму могилы.

Жена и дети, стоя на коленях под знойными лучами солнца, которое было уже в зените, тихо плакали.

Солдатам разрешили присесть. Они стали закусывать, вполголоса переговариваясь. Время между тем шло, и могила углублялась. Великан-бур все глубже и глубже уходил в землю, лишь изредка прерывая свою ужасную работу, чтобы тыльной стороной руки отереть струившийся по лицу пот. Время от времени он взглядывал украдкой на жену и детей. И тогда, невзирая на усталость, начинал работать быстрее, спеша поскорее покончить со столь страшным для них зрелищем.

¹ Вельд, или вельдт, — название степи в Южной Африке. Говорят: «Трансваальские вельдты».

Один из солдат, охваченный состраданием, протянул буру флягу, полную виски.

— Выпейте, товарищ, это от чистого сердца, — ласково сказал он.

— Виски?.. Нет, спасибо. Еще подумают, что я выпил для храбрости. Но я охотно приму от вас немного воды, товарищ!

Друзья и родные, окруженные цепью солдат, не могли пойти за водой.

Солдат сбегал в дом и принес деревянный ковш свежей воды. Давид, припав к нему губами, жадно пил, а солдат возвратился на свое место, рассуждая:

— Вода!.. Ну разве может она сойти за христианский напиток, особенно в тот час, когда человек должен навсегда забыть вкус виски? Да если бы я был так же близок, как он, от того, чтобы сыграть в ящик, уж я бы не постеснялся осушить фляги всего взвода. Это так же верно, как то, что меня зовут Томми Аткинс!

А время шло, безжалостно текли минуты. Солнце склонялось к западу. И все глуше звучали удары кирки в зияющей яме, поглотившей бура уже до самых плеч. Жена его распростерлась на земле и, с ужасом сознавая приближение роковой минуты, не отрывала глаз от двух огромных бугров, нараставших по обе стороны могилы.

Послышался треск затворов. То старший сержант, достав из патронташа двенадцать патронов и вырвав из шести патронов пули, заряжал ружья.

Вот он уже принес винтовки и бросил их на землю. Затем, подойдя к буру, который продолжал копать землю, сказал:

— Давид Поттер, приготовьтесь к смерти!

А тот, прервав работу, поднял голову и спокойно ответил:

— Я готов.

Уложив рукоятку лопаты поперек ямы и ухватившись за нее, он подтянулся на руках, одним прыжком перемахнул через могильный скат — и вот он уже стоит на земле, измазанный красноватой землей, освещенный косыми лучами солнца, огромный, трагически величественный.

Жена и дети бросились было к нему, но караул по знаку сержанта отгеснил их. И тотчас же выступили вперед двенадцать небооруженных солдат, назначенных в этот страшный наряд. Разобрав наугад принесенные сержантом ружья, они выстроились в ряд. К осужденному подошел старший сержант, чтобы завязать ему глаза и поставить на колени. Бур энергично запротестовал:

— Единственная моя просьба к англичанам — позволить мне умереть стоя, глядя на божье солнце, и самому скомандовать: огонь!

— Я не могу отказать в этом столь мужественному человеку, как вы, — ответил сержант, козырнув ему по-военному.

— Благодарю.

Взвод находился на расстоянии примерно пятнадцати шагов.

Бур стал лицом к солдатам, спиной к могиле.

Мертвая тишина повисла над лагерем. Смолкли рыдания и стоны. Жгучая мука охватила все сердца.

Короткая команда, мгновенное дребезжанье металла, и двенадцать стволов вытянулись ровной сверкающей линией: солдаты взяли бура на прицел.

Осужденный стоял с обнаженной головой и открытой грудью.

Глубоко вздохнув, он воскликнул:

— Прощайте, жена, дети, свобода! Прощай все, что я любил! Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

Грянули двенадцать выстрелов, сопровождаемые глухим эхом. Бур пошатнулся и тяжело рухнул навзничь на один из могильных скатов.

Из уст жены вырвался крик отчаяния, заголосили дети.

Взвод взял на караул, сделал полуоборот и двинулся в лагерь. Отряд, служивший оцеплением, разомкнулся и открыл наконец доступ к могиле.

Бур умер мгновенно. Из его груди, изрешеченной всеми шестю пулями, хлестали потоки крови.

Несчастливая жена, тяжело опустившись на колени, благоговейно закрыла его глаза, даже в смерти сохранившие твердость. Потом, омочив свои пальцы в крови, ярко алевшей на разодранной одежде мужа, она осенила себя крестом и сказала детям:

— Сделайте, как я... И никогда не забывайте, что ваш отец — убитый англичанами мученик, кровь которого вопиет о мщении!

Дети последовали ее примеру. А старший сын, рослый четырнадцатилетний мальчик, решительно подошел к французу, который тоже плакал, и, взяв его за руку, твердо сказал:

— Ты возьмешь меня с собой. Правда?

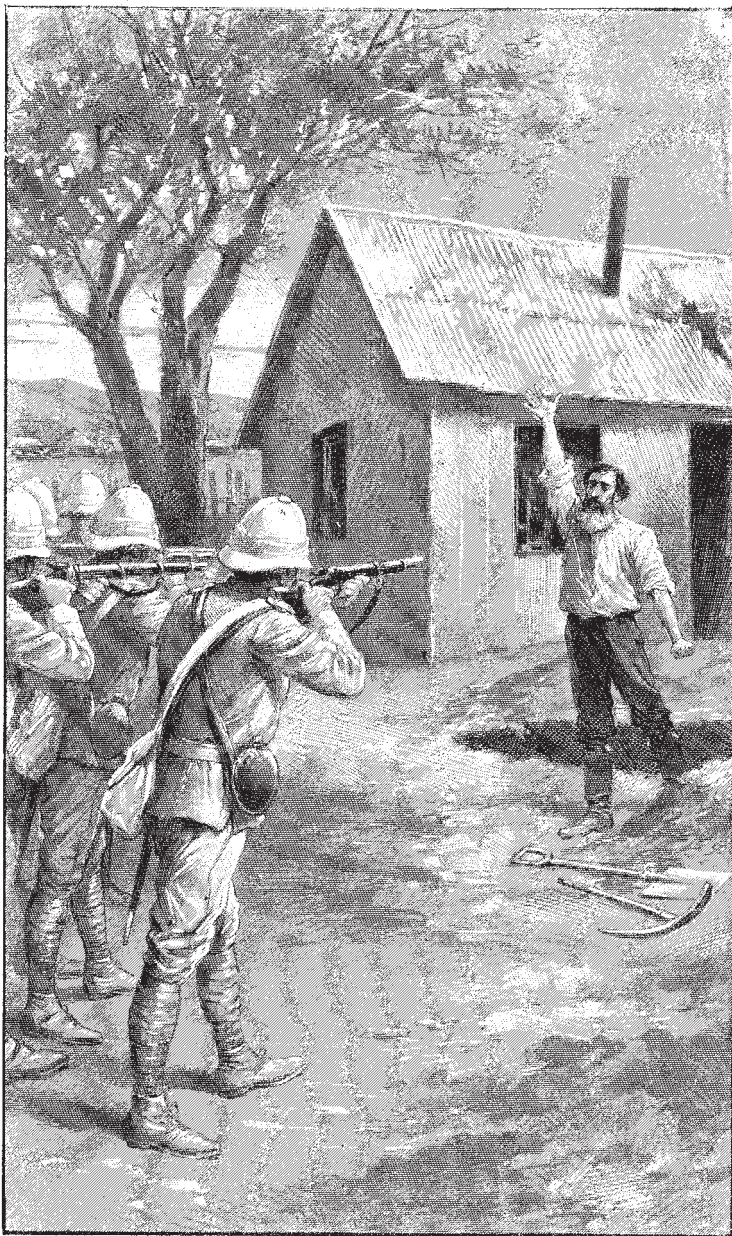
— Да, — ответил француз, — у меня найдется для тебя и пони и мушкетон.

— Иди, дитя мое! — воскликнула, услышав его, мать. — Иди, сражайся за независимость, как подобает мужчине, и отомсти за отца!

Из дома принесли широкую простыню и веревку: простыню — чтобы завернуть в нее тело, веревку — чтобы опустить его в могилу.

Но тут прибежал запыхавшийся и взволнованный, коренастый и юркий, как белка, подросток.

Увидев молодого француза, он бросился к нему и тихо сказал:

— Да здравствует независимость!.. А вы, солдаты: огонь!

— Нас предали!.. Беги, спасайся!.. Англичане знают, что ты на их передовой позиции. Скорей! Скорей!.. Лошади уже здесь.

— Благодарю, Фанфан... Иду. — И, обратившись к юному буру, француз сказал: — Обними свою мать, Поль, и следуй за мной.

Мальчик, названный Фанфаном, уже исчез. Сын казненного и молодой незнакомец последовали за ним.

Фанфан направился к заросли колючих мимоз, метко называемых в тех местах «подожди немного». Там, покусывая ветки, переминались с ноги на ногу два сильных пони, снаряженных по-боевому, с мушкетонами у седла и с туго набитыми походными сумками.

Ловко вскочив на одного из них, француз крикнул Полю:

— На круп позади Фанфана — и в галоп!.. Дело будет жаркое.

С аванпостов уже донеслось несколько выстрелов, а над головами беглецов зажужжали пули, когда их пони взяли с места бешеным галопом. Возле дома Давида Поттера поднялась невообразимая суматоха.

— Окружить дом! Никого не выпускать! — крикнул примчавшийся на взмыленном коне полковой адъютант. — Где старший сержант?

— Здесь, господин лейтенант! — ответил сержант.

— Вы не заметили тут юношу, вернее — мальчика, в охотничьем костюме?

— Так точно, господин лейтенант, заметил!

— Где он?

— Я думаю, на ферме.

— Немедленно схватить его и доставить в штаб полка живым или мертвым.

— Живым или мертвым?.. Да ведь это же безобидный ребенок.

— Круглый идиот!.. Этот ребенок настоящий дьявол, он стоит целого полка! Это проклятый капитан Сорви-голова, командир разведчиков... Живо, живо! Всем кавалеристам, которыми вы располагаете, — в седло!

В одно мгновение были взнузданы и оседланы тридцать коней.

И началась бешеная погоня...

ГЛАВА II

Гон. — Человек в роли дичи. — Дичь защищается. — Первые подвиги капитана Сорви-голова. — Бесстрашные юнцы. — Инстинкт лошадей. — Обходное движение. — Колочий кустарник. — Фанфан ранен. — Отчаянное бегство. — Пони убит. — Смертельная опасность. — Между двух огней.

У англичан, этих страстных любителей спорта, все может послужить предлогом для неистовых скачек.

Если нет лисицы для травли с собаками, довольствуются маленькими комочками бумаги. Егерь, изображающий собой зверя, разбрасывает их как попало.

Охота для потехи или даже подобие такой охоты вполне удовлетворяет спортсмена, лишь бы скакать через самые неожиданные препятствия и испытывать опьянение, которое так волнует искусного наездника.

Но когда в перспективе у джентльмена охота за человеком! Когда человек становится дичью, которую нужно взять или

убить!.. О! Тогда национальная страсть, помноженная на врожденную первобытную свирепость — homo homini lupus est¹, превращается в настоящее неистовство.

Перед такой охотой меркнут и rally paper², и fox hunting³.

Гнаться за человеком, присутствовать при его агонии — что за наслаждение для цивилизованных варваров!

«Вперед! Вперед!..» У англичан этот возглас означает: «Кто придет первым».

Офицеры, пользуясь своей властью, приказали солдатам спешиться и бесцеремонно забрали их коней. Взвод сформировался в одно мгновение. Он состоял из драгун, улан, гусар и нескольких yeomanry⁴, этих бесстрашных охотников, еще более одержимых, чем их товарищи по регулярной армии.

«Вперед! Вперед!..»

Долг солдата и спортивный азарт подхлестывают друг друга, придавая особую напряженность скачке, которая с ходу приняла бешеный характер.

«Вперед!.. Вперед! Охота за человеком!»

Взвод улан то смыкался, то растягивался, в зависимости от темперамента всадников и горячности их коней.

Впереди молодой уланский лейтенант на великолепном, породистом скакуне. С каждым его скачком офицер все больше удалялся от взвода и приближался к беглецам, которые опередили погоню не более чем на шестьсот метров.

Бедные мальчики мчались во весь опор на пони, неказистых с виду, но смелых и умных животных, честно исполнявших свой долг.

Вот оба отряда вступили в полосу высоких трав. Здесь пони приобрели некоторые преимущества: они перешли на своеобразный аллюр, при котором их передние ноги идут рысью, а задние галопом, что дает им возможность, почти не снижая скорости и не путаясь, пробираться среди высоких трав. На голой равнине их настигли бы за каких-нибудь десять минут, в прериях же удавалось сохранять расстояние, отделявшее их от преследователей.

Только уланский лейтенант да еще трое всадников постепенно нагоняли беглецов.

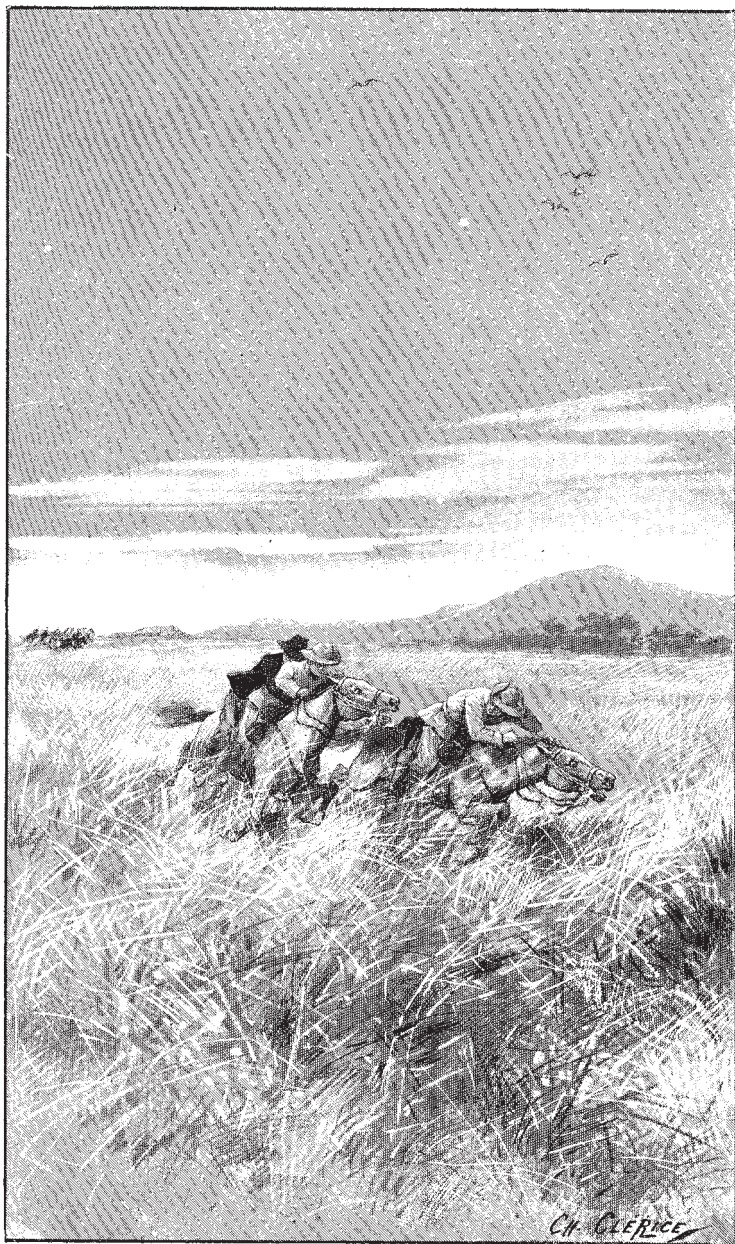
Пони молодого француза, которого англичане прозвали капитаном Сорви-голова, не обнаруживал еще ни малейших признаков усталости. Но удила пони, на котором скакали Фанфан и

¹ Человек человеку — волк (*лат.*).

² Потеха с бумажками (*англ.*).

³ Охота на лисиц (*англ.*).

⁴ Добровольческая кавалерия в Англии (*англ.*).

Бедные мальчики мчались во весь опор на пони...

юный Поль, уже были покрыты обильной пеной; он явно начал уставать.

— Фанфан! — крикнул Сорви-голова. — Ты не на деревянном коньке карусели, а в седле! Отдай поводья, ложись на коня.

— Ладно, хозяин! — ответил Фанфан. — Придется тебе, Коко, думать за нас обоих, — ласково потрепал он по шее пони. — Впрочем, это не так уж трудно для тебя.

Сорви-голова между тем обернулся. Обеспокоенный приближением англичан, он отстегнул мушкетон.

— Внимание!.. — вполголоса обратился он к своим спутникам.

Затем раздался его свист, услышав который оба пони мгновенно остановились и замерли на месте.

Проворно соскочив с пони, Сорви-голова пристроил на седле ствол своего мушкетона и, наведя его на уланского офицера, осторожно спустил курок. Раздался сухой выстрел. Несколько мгновений Сорви-голова стоял не шелохнувшись, с широко раскрытыми глазами, словно желая проследить полет пули.

Офицер, сраженный на всем скаку, выпустил поводья и, взмахнув руками, опрокинулся на круп коня. Лошадь шарахнулась в сторону, офицер, мертвый или тяжело раненный, свалился наземь, а обезумевший от испуга конь, подстегиваемый бьющимися о бока стремянами, понесся куда глаза глядят.

— Благодарю вас, Сорви-голова! Может быть, это один из тех, кто убил моего отца! — воскликнул Поль Поттер.

Послышался второй выстрел.

То Фанфан, увидев, что Сорви-голова стреляет, решил последовать его примеру, без малейшего, Впрочем, успеха.

— Эх! Чистый проигрыш, — проворчал раздосадованный мальчик.

Три кавалериста, скакавшие за лейтенантом, остановились, чтобы оказать ему помощь. Образовалась маленькая группа.

Бах!..

Фью-ю-ю-ю-ю... — запела, разрывая воздух, пуля.

То снова выстрелил Сорви-голова.

В группе англичан поднялась на дыбы лошадь и, пройдя на задних ногах, подобно геральдическим коням, несколько шагов, грохнулась, подмяв под себя всадника.

— И второй! — с дикой радостью завопил маленький бур.

Бах!.. Это опять так же азартно выстрелил Фанфан — и опять так же успешно промахнулся.

— Ты стреляешь, как сапожник, Фанфан! — крикнул взбешенный Сорви-голова. — Передай свое ружье Полю.

— Давай, давай! — обрадовался сын казенного. — Посмотришь, как я стреляю.

С аккуратностью старого солдата мальчик шелкнул затвором, вложил патрон в казенную часть, спокойно навел ружье на одного из двух оставшихся в живых улан маленького английского авангарда и выстрелил в тот самый миг, когда уланы возобновили преследование.

— Ух, здорово! — воскликнул Фанфан, радуясь успеху маленького бура, снявшего всадника с коня.

— Ну, Поль! Четвертый — на нас двоих! — крикнул Сорви-голова. — Тебе — человек, мне — конь.

И два выстрела слились в один.

Всадник и конь, пораженные на полном скаку двумя не знавшими промаха стрелками, упали и скрылись в траве.

— Да, ты будешь отомщен, и хорошо отомщен, бедный мой отец! — воскликнул побледневший от гнева мальчик.

Эта страшная расправа, такая долгая в рассказе, совершилась в каких-нибудь полминуты.

Пора было, однако, удирать. Все кавалеристы примчались к месту, где погибли их товарищи. Отряд перестроился.

Уже садясь на пони, Сорви-голова заметил, что все англичане, у которых было огнестрельное оружие, целятся в них.

Он едва успел пронзительно свистнуть и крикнуть:

— Ложись!

Прекрасно выдрессированные животные, услышав знакомый сигнал, распластались на земле одновременно со своими хозяевами.

Над беглецами просвистал град пуль.

Фанфан болезненно вскрикнул.

— Только без глупостей! — воскликнул Сорви-голова, но голос его звучал тревожно.

— Угостили... — ответил Фанфан. — Нечего сказать, угостили!

— Гром и молния!.. Бедный Фанфан! — воскликнул Сорви-голова. — Покажи!

— В левую ходулю угодили, — пытался отшутиться Фанфан. — Погоди... Поломки, кажется, нет — только голень продырявили, и все. Кровоточит, правда, но ничего, не очень больно. Обмотаю ее платком и стану таким же петухом, как и раньше.

— Дай перевяжу.

— Не стоит. Потом как-нибудь... Сейчас дела куда поважнее. Становится жарко.

Действительно, становилось жарко.

Англичане, взбешенные сопротивлением и не ожидавшие встретить таких опасных противников в каких-то мальчишках, которых они думали взять голыми руками, переменили тактику и приступили к новому маневру.

Их двадцать четыре человека. Семеро поскакали направо, семеро — налево, описывая полукруг, чтобы отрезать отступление беглецам. Десять остальных, оставшись на месте, рассредоточились и стали поддерживать огонь в том направлении, где прижались к земле юные партизаны.

— Теперь уж не до смеха, — сказал Сорви-голова. Приподняв голову, он осматривал местность. — Они хотят взять нас в клещи обходным движением. Но посмотрим!.. Придется отступать. Ты сможешь, Фанфан?

— Каждый может все, чего захочет, хозяин. Будь покоен! Уж я-то не повисну колодой на ваших ногах.

— Нам грозит смертельная опасность, — предупредил Сорви-голова.

— Вся наша жизнь смертельная опасность, — ответил молодой парижанин. — Не разбив яиц, и яичницы не приготовишь. Если бы я дрожал за свою шкуру, я остался бы у себя на родине, на улице Гренета¹.

Пока Фанфан философствовал, Сорви-голова не терял даром времени. Он установил по компасу, что в полулье направо от них находится хорошо знакомый большой лес, затем связал узлом стремяна пони, предварительно перекинув их на седла. Все это он проделал так, чтобы англичане ничего не заметили. А те продолжали лениво постреливать, решив, по-видимому, не предпринимать более энергичных действий, пока их товарищи не завершат окружения. Сорви-голова между тем перекинул через плечо свой мушкетон и, приказав товарищам следовать за ним, с удивительной быстротой пополз среди высоких трав.

Поль и Фанфан, видно, тоже знакомые с этим приемом индейцев, повиновались, и вскоре все трое исчезли в гигантской растительности вельдта. Их пони, распростертые на земле и скрытые густой травой, остались на месте.

Англичане, ставшие более осмотрительными, приближались осторожно, мелкой рысью, время от времени переходя даже на шаг.

Не обращая на них никакого внимания, Сорви-голова двигался направо, к опушке леса. Противник не переставал постреливать

¹ Улица в одном из рабочих предместий Парижа.

наугад, и Сорви-голова, продолжавший ползти с проворством ящерицы, сказал вполголоса:

— Только бы не искалечили они наших лошадок... Эх! Будь со мной хотя бы дюжина моих Молокососов, ни один из этих хаки не вернулся бы в свой лагерь. — И, обернувшись затем к Фанфану, он спросил: — Как дела, старина?

— Потеем, трудимся, — ответил Фанфан. — Не ручаюсь, что мог бы прыгнуть с трамплина, но что касается ходьбы на четвереньках... одной лапой больше, одной меньше — невелика важность.

К счастью, трава в тех местах была вышиною в метр, а то и больше; только это и спасало бесстрашных сорванцов. В другой обстановке они давно уже были бы схвачены или подстрелены англичанами.

В самом деле, представьте себе луг с Марсово поле¹, на котором играют в прятки, но только всерьез и под угрозой смерти, трое против двадцати четырех.

Какая выносливость, какая ловкость, сколько удачи потребуется этим троим, чтобы благополучно ускользнуть!

Между тем правый и левый отряды англичан завершили полуокружение. Теперь совместно с третьим, оставшимся на месте взводом они готовились сомкнуть кольцо вокруг того места, где, по их мнению, находились беглецы.

Но те, пробираясь между травами, прошли уже расстояние в четыреста метров под прямым углом к их первоначальному направлению. Прежде они скакали на север, теперь же ползли на восток. Просто чудо, что англичане до сих пор не заметили их передвижения. До спасительного леса оставалось еще не менее полутора тысяч метров. Будь у них достаточно времени, они, конечно, доползли бы до него, но этот невероятно трудный способ передвижения скоро совсем истощил силы раненого Фанфана. При всем своем мужестве он не способен был ползти дальше.

Ослабленный потерей крови, которая не переставала струиться из раны, чувствуя, что с каждой минутой все больше слабеет, еле волоча за собой ноги, он умолял товарищей бросить его.

— Ни за что! Или ты вернешься в лагерь вместе с нами, или мы все погибнем здесь! — воскликнул Сорви-голова.

— Но подумай! Командующий ждет результатов разведки. От них зависит судьба всего командо², — спорил Фанфан.

¹ Большая площадь в Париже, где обычно происходили парады войск.

² Командо — подразделение трансваальской армии. В начале войны командо насчитывало до 1000 бойцов, в конце войны состав его уменьшился до 500—600 бойцов.

Вместо ответа Сорви-голова только пожал плечами. Присев на корточки и чуть высунув голову из травы, он беглым взглядом окинул равнину.

Юноша заметил, как сильно они опередили англичан. От врагов их отделяло теперь не менее пятисот метров.

О, если бы только они могли и дальше продвигаться вот так же, под прикрытием травы! Но Фанфан! Бедняга Фанфан!.. Надо спасти его во что бы то ни стало.

Не видя другого выхода, Сорви-голова решил поставить на карту все.

Вложив пальцы в рот, он трижды пронзительно свистнул.

И тогда произошло нечто поистине изумительное. Бурские лошадки, притаившиеся в траве и до сих пор не обнаруженные англичанами, стремительно вскочили и понеслись бешеным галопом, с раздувающимися ноздрями, прыгая над травой, как антилопы. Безошибочный инстинкт полудиких животных не обманул их. Тонкий слух верно уловил направление сигнала, а чутье, более острое, чем у ищеек, вело их по правильному пути.

Растерявшись от изумления, англичане послали было вдогонку смелым животным несколько выстрелов, но, увидев, что пони без седоков, перестали обращать на них внимание.

Преследователи, разумеется, также слышали свист. Но их отряды находились довольно далеко друг от друга, и потому они не могли определить место, откуда он доносился. Больше того, каждый из отрядов принял свист за сигнал другого отряда к атаке. И все они поторопились сойтись в той точке, где никого уже не было.

Нельзя не признать, что для троих ребят, один из которых был к тому же ранен, это был блестящий маневр. К несчастью, опасность еще не миновала. Пони примчались к ним, как вихрь. Немного привстав, Сорви-голова остановил их легким прищелкиванием языка и в каких-нибудь две секунды развязал стремена.

— В седло, Поль! — скомандовал он. — Не заботься обо мне и скачи прямо в лес.

А пока маленький бур садился на лошадь, он поднял Фанфана, усадил его верхом на холку пони и, вскочив позади раненого в седло, устремился за буром.

Англичане, поняв наконец, что их одурачили, послали вслед беглецам, мчавшимся, как ветер, залп проклятий и открыли по ним адский огонь.

Пули свистели, выли, жужжали вокруг Молокососов, срезали стебли трав; музыка была не из приятных.

Пока одни англичане стреляли, другие возобновили погоню. Каких-нибудь пять-шесть минут — и беглецы достигнут леса, где их ожидает спасение.

Да, но пять минут!

Внезапно лошадка Поля отпрянула в сторону, зашаталась и чуть не упала. На левом боку животного показалась длинная струя крови.

— Держись, Поль, твой пони ранен! — крикнул Сорви-голова.

Бур и сам уже почувствовал, что лошадь под ним оседает. Напрасно он подбадривал ее голосом и вонзал ей в бока шпоры. Боясь, что пони упадет, и стремясь продвинуться как можно дальше, Поль стал даже покалывать его ножом.

То и дело спотыкаясь, доброе животное пробежало еще метров триста, потом зашаталось и тяжело повалилось на землю. Из рта и ноздрей его показалась кровь.

— Бедный Коко! — всхлипнул Фанфан, обожавший своего коня.

А маленький бур, этот ловкий наездник, успел уже соскочить и стоял целый и невредимый.

Остановив своего пони, Сорви-голова крикнул:

— Вскарбайкайся позади меня, Поль, и держись крепче. Чем мы хуже сыновей Эмона?¹

Уставший и перегруженный пони уже не мог бежать так быстро, как до сих пор. И хотя до леса оставалось не более трехсот метров, расстояние между беглецами и англичанами уменьшалось с каждой секундой.

Раздался новый залп, и Поль, застонав, скатился в траву.

Правда, он тут же вскочил и крикнул, догоняя товарищей:

— Ничего страшного, я только обезоружен!

Пуля угодила ему между лопаток, но, по необыкновенно счастливой случайности, сплющилась, ударившись о дуло ружья, причем искривила его и разбила ложе приклада.

Еще полтора метра!

Англичане приближались, улюлюкая, с неистовыми криками «ура». Еще бы! Что за чудесная охота!

Маленький бур бежал по траве вслед за пони, но трава теперь была уже не такая густая и высокая.

А тут еще пони, попав ногой в разрытый муравейник, упал на колени, и Сорви-голова с Фанфаном, перелетев через его голову, шлепнулись оземь шагах в шести от него.

¹ Четыре сына Эмона — легендарные странствующие рыцари. Во время походов Карла Великого против мавров они совершили множество подвигов. Часто их изображают путешествующими на одном коне, знаменитом Баярде.

Полуоглушенный, Сорви-голова мгновенно вскочил, но его товарищ лежал без сознания.

— Сдавайтесь!.. Сдавайтесь!.. — заорали англичане.

— Ни за что! — гаркнул им в тон Сорви-голова, наводя на них свое ружье.

С изумительным хладнокровием он выстрелил три раза подряд и сшиб с коней трех мчавшихся впереди англичан.

Потом, передав свое ружье Полю, он произнес:

— В магазине осталось еще четыре патрона. Задержи врага, а я унесу Фанфана.

Фанфан по-прежнему лежал без памяти. Сорви-голова поднял его и побежал к лесу.

Он уже почти достиг опушки, как вдруг всего в нескольких шагах от себя услышал раздавшийся из леса громopodobный голос: «Огонь!» И в то же мгновение он очутился среди дыма и пламени: со всех сторон громыхали выстрелы.

Капитану Сорви-голова показалось, что он в настоящем аду.

ГЛАВА III

Воспоминание о «Ледяном аде». — Замысел молодого миллионера. — За буров! — Встреча с Фанфаном. — В путь! — Набор добровольцев. — В заливе Делагоа. — Португальская таможня. — Претория. — Президент Крюгер. — Молокососы.

Не так давно «Журнал путешествий» опубликовал под заголовком «Ледяной ад» рассказ о приключениях французов в Клондайке, стране богатейших золотых россыпей. Напомним кратко об этой захватывающей драме.

Несколько молодых французов, жертвы прославившегося своими злодеяниями бандитского сообщества «Кровавая звезда», отправились искать счастья в это таинственное Эльдorado Полярного круга. Ценою невероятных страданий и смертельных опасностей им действительно удалось добыть баснословное состояние. Но бандиты, не упускавшие их из виду, тайно отправились за ними в Клондайк. Там они узнали, что французам посчастливилось открыть «Золотое море» — богатейшие россыпи, упорно разыскиваемые всеми золотоискателями. Разумеется, бандиты решили завладеть этим сокровищем, которое, даже по

предварительным подсчетам, превышало, и значительно превышало, ослепительную цифру в сто миллионов.

Героями этой драмы золота и крови были семь человек: молодой ученый Леон Фортэн и его прелестная невеста Марта Грандье, газетный репортер Поль Редон, присоединившийся к ним старый канадец Лестанг, Дюшато и его отважная дочь Жанна и, наконец, брат Марты — Жан Грандье.

Жану Грандье, воспитаннику коллежа Сен-Барб¹, было тогда всего пятнадцать лет. Природа одарила его недожженным умом, физической силой и необыкновенной для юноши его лет выносливостью. Этот школьник, умевший храбро противостоять всем испытаниям, совершил там чудесные, почти легендарные подвиги.

Не будем говорить о его изумительной способности переносить мороз в пятьдесят градусов, о необыкновенной ловкости, проявленной им в борьбе с дикими зверями — огромными полярными волками, — скажем лишь, что, тяжело раненный, обмороженный, ослабленный потерей крови, он собственноручно убил пятерых бандитов из шайки «Кровавой звезды» и освободил свою сестру и Жанну Дюшато, находившихся в плену у этих злодеев. Во Францию он вернулся сказочно богатый и одержимый той жадной приключений, которая знакома и не дает покоя всем, кто хоть раз вкусил прелесть этой волнующей жизни.

Отдохнув несколько месяцев, Жан заскучал. Его деятельная натура требовала применения своим силам. Он решил было, став во главе какой-нибудь географической экспедиции, проникнуть в неисследованные еще страны или взяться за какое-либо другое смелое и полезное дело, но тут вспыхнула англо-бурская война.

Пылкая и благородная душа Жана Грандье мгновенно загорелась сочувствием к двум маленьким южноафриканским республикам, борющимся за свою независимость.

Его восхищали спокойствие, достоинство и величие старого, патриархального президента — благородного Крюгера, в котором он видел живое воплощение древних добродетелей мужественно-бурского народа.

Он влюбился в буров, этих солдат-добровольцев, ненавидевших войну и взявшихся за оружие только ради защиты святого дела национальной независимости. В то же время он от всей души возненавидел англичан-завоевателей, которые развязали войну, бросив многочисленную и могучую английскую нацию против двух крошечных государств. Уже один только этот факт вопиюще-

¹ Коллеж — средняя школа во Франции. Коллеж Сен-Барб — один из старейших парижских коллежей.

го неравенства сил казался ему величайшим преступлением против человечества.

С одной стороны — могущественная, богатейшая в мире империя с населением в четыреста миллионов человек, с превосходной армией, флотом, колониями, первоклассной промышленностью, огромными финансовыми ресурсами. Колосс, господствующий на морях и на суше — целой трети земного шара! С другой стороны — два крошечных народа, едва насчитывающих четыреста тысяч жителей, мирных крестьян, занимающихся земледелием и мечтающих только о том, чтобы жить в мире и быть подальше от всех тревог, которые потрясают человеческое общество.

Он трепетал за них, изумлялся равнодушию цивилизованных народов, возмущался тем, что ни один из этих народов не посмел или не смог помешать этому несправедливому нападению, совершенному на другой же день после «международной мирной конференции».

Он говорил себе:

«Если большие государства так эгоистичны и подлы, а эта отвратительная вещь, которую называют политикой, потворствует их эгоизму и подлости, то все честные люди, люди большого сердца должны откликнуться и действовать, не щадя своей жизни. Я молод, смел и свободен в своих поступках, я люблю приключения, меня влечет ко всему величественному и доброму. Я готов отдать душу и телом благородному делу защиты слабых. И потому я стану добровольцем трансваальской армии».

Он поделился своим проектом с сестрой Мартой и ее мужем, Леоном Фортэном. Те от души его одобрили.

Да и кто бы мог помешать ему свободно распорядиться своей жизнью и своим состоянием?

После трогательного прощания со своим другом Полем Редоном, женившимся к тому времени на Жанне Дюшато, он отправился в намеченное путешествие.

Марта и Леон провожали Жана Грандье. Он уезжал в 8 часов 40 минут с вокзала П. Л. М.¹ скорым поездом, идущим в Марсель, откуда ему предстояло отплыть в бухту Делагоа².

Когда они подкатили к огромному вокзалу, какой-то подросток лет пятнадцати бросился открывать дверцу роскошного экипажа. Но соскочивший в ту же минуту с козел лакей Жана, оби-

¹ Париж — Лион — Средиземное море — железнодорожная линия, соединяющая Париж со средиземноморскими портами Франции.

² Делагоа — залив на юго-восточном побережье Африки, в бывшей португальской колонии Мозамбик. В глубине залива — город Лоренсу-Маркиш, естественный порт трансваальской равнины, откуда начинается железная дорога.

женный непрошеным вмешательством в его служебные обязанности, так грубо отшвырнул мальчика от кареты, что тот растянулся во весь рост, больно ударившись лицом о мостовую.

Богатство не ожесточило сердца героев Клондайка. Все трое невольно вскрикнули, а Жан, поспешно выйдя из кареты, подхватил парня под мышки и поставил его на ноги:

— Не очень больно? Все цело?.. Прости, друг, и, прошу тебя, прими маленькое вознаграждение.

А подросток, хотя у него обильно струилась из носу кровь и ему было очень больно, заставил себя улыбнуться и пробормотал:

— Вы очень добры, но, право, ничего...

Ни упрека, ни малейшего намерения поскандалить, чтобы извлечь выгоду из происшествия.

От взгляда Жана не ускользнуло, что у подростка приятная внешность, что одет он опрятно и что в нем нет ничего от классического типа открывателя каретных дверей¹. Облик Гавроша², но отнюдь не уличного хулигана. Все это мгновенно промелькнуло в голове Жана. Порывшись в жилетном кармане, он вытащил оттуда горстку луидоров³ и протянул их мальчику.

— Бери, не стесняйся, — сказал Жан Грандье, — и не поминай лихом нашу встречу.

Мальчик краснеет, бледнеет, смотрит, разинув от изумления рот, на золотые монеты и, наконец, восклицает:

— И все это мне? Из-за какого-то шлепка о мостовую? Здорово!.. Благодарю вас, князь! Наконец-то я выберусь за фортифы⁴ и полюбуюсь на белый свет!

— Ты любишь путешествовать? — спросил Жан.

— До безумия! С пеленок мечтал... А теперь вот благодаря вам я могу купить билет до Марселя.

— Постой, постой, но почему же именно в Марсель? — воскликнул Жан.

— Потому что уж там-то я как-нибудь обернусь и непременно попаду в страну буров.

¹ В Париже существует особая категория вечерних оборванцев. Они дежурят у театров, ресторанов, вокзалов и т. п.; как только подъезжает экипаж, они бросаются открывать дверцы, награждают выходящего княжеским титулом: «Прошу, князь» — и тут же протягивают руку за подачкой.

² Гаврош — маленький герой романа Виктора Гюго «Отверженные». Это парижский мальчик из народа, остроумный, насмешливый, смелый и великодушный. Его имя стало нарицательным.

³ Луидор — золотая монета в 20 франков.

⁴ Когда-то Париж был окружен в целях защиты высоким земляным валом. Эти фортификации во время Коммуны помогали парижанам выдерживать осаду версальцев, а позже — прусских войск. Теперь этот вал лишен всякого военного значения; парижане называют его фортифами.

ЛЕДЯНОЙ АД

Часть I ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕЗОН-ЛАФФИТЕ

ГЛАВА I

Ужасный контраст. — Таинственное письмо. — Шантаж. — 50 тысяч франков или смерть. — Полицейский агент. — Княгиня ожидает. — Потерянная нить. — Дьявольская ловкость. — Лошадь без всадника. — Последняя угроза. — Зарезанный человек. — Кровавая звезда. — Самоубийство.

Первые апрельские ласточки с веселыми криками преследуют друг друга и как безумные кружатся в лазури неба, под лучами ослепительно-яркого солнца. Распускаются первые почки, раскрываются лепестки цветов, и в прохладном воздухе носится тонкий и нежный аромат весны... Как хороша жизнь!

Особенно хорошо тем, кто живет в двух шагах от великолепно-го Сен-Жерменского леса, на прекрасных виллах, окаймляющих

дорогу, что ведет из Мезон-Лаффита к древней королевской дубраве.

Несколько парижан, тосковавших по деревне и считавших за счастье укрыться от сутолоки большого города, наслаждались здесь этим поэтическим пробуждением природы. В числе их была семья Грандье, уже две недели как поселившаяся на вилле «Кармен».

На календаре было 25 апреля. Время: 8 часов утра.

Глава семьи, высокий и красивый мужчина лет сорока пяти, с непокрытой головой, потным лбом и багровыми щеками, нервно шагал по большой конторе, из окон которой были видны рощицы, лужайки и аллеи хорошо расчищенного английского сада. На маленьком столике стояла нетронутая чашка с чаем. Забыв о ней, хозяин дома тяжело вздыхал, произносил бессвязные слова, стискивая зубы и ломая руки. Видно было, что у него страшное горе.

— Войдите! — воскликнул господин Грандье, лишь только в дверь постучали.

Появился слуга с подносом, на котором возвышалась кипа журналов, писем и газет.

— Почта, месье!

— Хорошо, благодарю, Жермен.

Едва слуга успел выйти, как господин его склонился к подносу, разворошил всю корреспонденцию и нашел большой квадратный конверт из плотной желтой бумаги, скрепленный печатью в виде багровой пятиконечной звезды. Господин Грандье испустил глухой стон и побледнел еще больше.

— Кровавая звезда!.. О, я погиб!.. — пробормотал он. — Сельмое... это последнее!..

Трепещущие пальцы разорвали конверт, и оттуда выпал листок, также помеченный ужасной звездой. Придя в себя после минутного молчания, несчастный зашептал охрипшим голосом:

— Денег!.. Они хотят денег... огромную сумму... а я разорен... не имею кредита... эта роскошь только показная... Но они не хотят верить... грозятся умертвить моих детей!.. Дорогих, любимых, которых так долго охраняла моя любовь. Да, они убьют всех... они пережуют всех... если я не дам денег... И сегодня последний срок!.. Но денег у меня нет... и попытки мои... вернуть их... убили мой кредит... ускорили мое разорение... О!.. Я был добр... честен... доверчив... И теперь я расплачиваюсь за это!

В то время как господин Грандье предавался наедине своему горю, из соседней комнаты через открытое окно ворвалось несколько фортепьянных аккордов. В саду, в кустах, малиновки, яблочки и соловьи заводили свои трели. Бабочки упивались нектаром

первых цветов. И очарование, разлитое в природе, составляло такой резкий контраст с отчаянием этого человека, что несчастный не мог удержаться от рыданий. Вскоре, однако устыдившись своей слабости, он протяжно вздохнул и сказал вполголоса: «Надо с этим покончить!» — и порывисто нажал кнопку электрического звонка.

Тотчас же явился слуга.

— Там есть кто-нибудь? — спросил господин Грандые.

— Да, какой-то человек дожидается уже добрую четверть часа!

— Введите его немедленно!

Вошел незнакомец, еще молодой, среднего роста, с живым, пронизательным взглядом и просто одетый. Черты его лица свидетельствовали об уме и решительности.

— Это вы — агент, присланный полицейской префектурой? — коротко кивнув, спросил господин Грандые.

— Да, сударь!

— Как поздно вы явились!.. Если бы вы знали, с каким нетерпением я ждал вас!

— Меня не было в управлении, но, получив депешу, я тотчас отправился к вам, даже не заходя домой.

— Вы меня спасете?

— Постараюсь сделать все, что возможно. Предупреждаю, однако, что я буду состоять при вас в качестве официального лица... чтобы содействовать Версальскому суду... так как мы уже не в департаменте Сены!

— Справитесь ли вы?

— На всякий случай я приглашу еще двух товарищей. Но прежде введите меня в курс дела!

— Читайте это письмо: оно объяснит вам все!

Агент взял письмо, пощупал бумагу, взгляделся в почерк и прочел вполголоса:

«Месье!

Пишу вам в седьмой, и последний, раз. В седьмой, и последний, раз повторяю вам: вы богаты, а мне нужны деньги. Поэтому я направляю на вас это письмо, как пистолет, и говорю: кошелек или жизнь!.. Пятьдесят тысяч франков или я убью вас, умертвив предварительно по одному всех членов вашей семьи.

Мне нужны эти пятьдесят тысяч франков, чтобы сделать карьеру в Клондайке, этой золотой стране, где энергичные люди становятся миллионерами в несколько недель. И вы дадите их мне сегодня же!

Я предложил вам неделю, чтобы собрать эту сумму, и такого срока в вашем положении совершенно достаточно.

Не пытайтесь меня обмануть или укрыться от меня. Я принял все меры предосторожности, я знаю час за часом все, что вы делаете на этой неделе, и вы всецело находитесь в моей власти!

Вы ездили два раза в Версальский суд и раз в полицейскую префектуру. Вы приказали охранять свой дом днем и ночью, что является верхом глупости в ситуации с таким человеком, как я.

Но довольно болтать! У вас должно быть пятьдесят тысяч франков. Они у вас есть, и сегодня вы отдадите их мне.

Вложите деньги в конверт и передайте его человеку, который ровно в полдень появится у лесной опушки. В назначенный час мужчина в каштановой ливрее перейдет дорогу в десяти шагах от въезда в лес. Вы скажете ему: «Я — господин Грандьё». Он ответит: «Княгиня ожидает», — и вы вручите ему выкуп за себя и свою семью.

Большой глупостью будет, если вы попытаетесь задержать этого человека. Он не мой соучастник и не знает ничего. Это простой наемник, считающий себя курьером, доставляющим политическую корреспонденцию. Знайте, что я продвигу все. И предупреждаю, если вы измените мне, — в ту же ночь будет совершено убийство. Я не отступлю ни перед чем и готов убить человека так же легко, как раздавить улитку.

Итак, в ту ночь я зарезу какого-нибудь гражданина этой страны. Для большей убедительности у него будет перерезано горло от одного уха до другого, а на коже левого виска будет вырезана моя эмблема — кровавая звезда.

Примите это к сведению!»

— Ну, что вы скажете на это? — спросил несчастный Грандьё слабым голосом.

— Скажу, — отвечал с важностью агент, — что все это сводится к простому шантажу!

— Но эти страшные угрозы повторяются каждый день в течение недели!

— Шантаж и все эти «кровавые звезды», бумага необычного формата, сильные выражения этого письма, не соответствующие цели, — все это не больше как театральные эффекты. Уверяю вас, сударь, мой полицейский нюх говорит, что вы имеете дело с простым мошенником, которого мы и поймаем... Другого я ничего не могу предположить!

— А если...

— Я отвечаю за все, не беспокойтесь. Никто не будет убит. Об убийстве не кричат за целых двенадцать часов вперед!

— Что же делать?

— Положиться на меня, вложить в конверт пятьдесят фальшивых билетов и отправиться в полдень на свидание с человеком в ливрее. Остальное — мое дело!

Уверенность полицейского ободрила господина Грандье, он начал оживать. Между тем агент продолжал:

— Сейчас девять часов. У меня как раз достаточно времени, чтобы переодеться и дать знать своим помощникам. Потом мы возьмем в руки нить дела и уже не выпустим ее!

— Делайте, как считаете нужным. Отдаю свою судьбу в ваши руки!

— И вы правы. То, что мы спасем вас, так же верно, как то, что мое имя Жерве!

И агент удалился, уверенный в успехе.

В назначенный час господин Грандье находился у опушки леса, тщетно отыскивая глазами агента. Он заметил верхового, внимательно изучавшего план леса. Только на минуту этот всадник кинул незаметный взгляд в его сторону, и Грандье скорее угадал, чем узнал в нем полицейского агента, весьма ловко замаскировавшегося. Неподалеку какой-то субъект в короткой куртке и фартуке пил из стакана у прилавка с винами; там же остановился железнодорожный служащий, державший под мышкой небольшой пакет, похожий на почтовую посылку. Все трое, казалось, совершенно не знали друг друга.

С замиранием сердца господин Грандье услышал первый удар часов, бивших полдень. Он перешел дорогу в лес и увидел человека в ливрее, пересекавшего путь. Грандье приблизился к нему, держа письмо на виду, и проговорил:

— Я — господин Грандье!

— Хорошо! Княгиня ожидает! — ответил тот.

Не прибавив ни слова более, Грандье вручил ему письмо и повернулся. Незнакомец вежливо поклонился, опустил письмо в карман и направился по дороге в лес.

Между тем всадник успел уже сложить свою карту и очень ловко объехал таинственного посланника: известно, что самый верный и надежный прием выследить кого-нибудь — находиться впереди его. Железнодорожный служащий и таинственный субъект следовали на недалеком расстоянии от незнакомца, делая вид, что осматривают окрестности, а на деле готовые броситься на него. Незнакомец шел уверенным шагом, с видом человека, совесть которого абсолютно чиста. Он прошел около трехсот метров, пока не достиг места, где две дороги пересекались под прямым углом. На одной из них стоял лесник, держа за повод осед-

ланную лошадь. Незнакомец остановился, обменялся с ним парой коротких фраз, потом взял повод, вскочил в седло и помчался что есть духу.

Жерве, полицейский агент, предвидел этот маневр и, пока его помощники стояли в замешательстве, пришпорил свою лошадь и галопом бросился преследовать беглеца. Последний, казалось, не мог ускользнуть от такого превосходного наездника, как Жерве, имевшего к тому же великолепного коня. Лесник же остался под присмотром Шелковой Нити и Бабочки — двух полицейских, переодетых один работником, другой — служащим железной дороги.

Они добросовестно следили за подозрительным лесником и видели, как он направился к одной из тех решеток, какими отделяют охотничьи участки. Минут десять он шел вдоль решетки и наконец остановился перед маленькой железной дверцей, проделанной в палисаднике. Он быстро отпер дверь ключом, шагнул внутрь, опять запер и скрылся во рву.

Одураченные таким неожиданным исходом дела, агенты двинулись вперед и приблизительно через полчаса вышли на совершенно пустынную лесную дорогу.

— Постараемся сориентироваться и определить, где мы находимся! — сказал Бабочка, вынимая из кармана план леса.

Нестройный цокот лошадиных копыт отвлек его внимание и заставил поднять голову от плана; его товарищ тоже насторожился. Прямо на них скакала лошадь, вся покрытая пеной; повод был закинут ей на шею, а стремена болтались по бокам. Инстинктивно они бросились наперерез ей, цепляясь за повод, за гриву и прилагая все силы, чтобы остановить обезумевшее животное. Когда это им наконец удалось, полицейские издали вопль ярости и отчаяния: они узнали лошадь своего начальника Жерве!

Тем временем, благодаря хладнокровию и уверенности сыщика, господин Грандье немного успокоился. Он рано лег в постель и впервые за все восемь дней крепко заснул. В шесть часов утра его разбудил шум голосов. Лакей разговаривал с садовником, исполнявшим в то же время должность привратника и жившим в домике близ ограды.

— Я говорю вам, Жермен, что письмо заказное и его нужно передать хозяину во что бы то ни стало, как велел человек, принесший его и чуть не оборвавший звонок!

— Несите его скорее сюда, Жермен, скорее! — вскричал Грандье, уже предчувствуя беду.

Ледяной холод сковал ему грудь: месье Грандье заметил багровую звезду, отпечатанную на конверте из желтой бумаги. Лихора-

Господин Гранжье склоняется над этим трагическим лицом...

дочно разорвав его, несчастный прочел следующие строки, ходившие ходуном перед глазами:

«Вы обманули меня! Убедившись, что необходим труп, чтобы побудить вас к повинению, я совершил этой ночью убийство, как и предупредил. Отправляйтесь на улицу Сен-Николь и вы увидите там мертвеца с моею печатью на левом виске. Завтра в полдень вы доставите мои пятьдесят тысяч франков или ваш сын погибнет будущей ночью.

Теперь вы знаете, что я держу свое слово!»

Поспешно, сам не сознавая, что делает, господин Грандье оделся и бросился по указанному адресу.

Вот и улица Сен-Николь... Взволнованные люди суетятся, кричат... открывается дверь... растрепанная женщина испускает крики, хватающие за душу... во дворе — беспорядок и отчаяние.

Жандарм прибегает в тот момент, как Грандье, не сознавая, что он делает и говорит, заходит в дом и произносит, почти задыхаясь.

— Я хочу видеть... труп!

Толпа расступается перед господином Грандье, в комнате рыдают какие-то люди, которых несчастный даже не замечает. На постели, обгаренной кровью, лежит мертвец, с большими открытыми глазами. Страшная рана пересекает его горло от одного уха до другого.

Похолодевший от ужаса, но словно влекомый неведомой силой, обреченный склоняется над этим трагическим, застывшим лицом...

Левый висок исполосован ножом... линии шрамов изображают пятиконечную звезду...

— Кровавая звезда... — с трудом ворочая языком шепчет господин Грандье. — Я также... должен умереть!

Он оставляет комнату, толкая встречных, и бегом возвращается на виллу «Кармен»; запыхавшись, входит в свой кабинет и запирается там. Потом, без всяких размышлений и выжиданий, берет лист бумаги и пишет дрожащей рукой:

«Разоренный, доведенный до отчаяния, не имея возможности удовлетворить требование бандитов, угрожающих погубить моих близких, я умираю, завещая детям мщение.

Ш. Грандье».

Перечитав эти слова, он склонил голову, открыл ящик бюро, вынул из него револьвер и приставил к виску, потом решительно, без тени колебания, спустил курок.

ГЛАВА II

Два друга. — Репортер и ученый. — Поль Редон и Леон Фортэн. — Как теперь убивают. — Кое-что о морских свинках. — Чудесное открытие. — Тайна золота. — Новый металл. — Леон Фортэн хочет во что бы то ни стало получить пятьдесят тысяч франков, чтобы стать повелителем золотых россыпей. — Арест.

— Редон, дружище! Тебя ли я вижу? Вот приятный сюрприз! — вскричал Леон Фортэн, увидев приятеля, входившего к нему в лабораторию, где он занимался какими-то опытами. Тот в свою очередь радостно приветствовал его.

Поль Редон был журналист или, вернее, репортер, но репортер высшего класса, умевший добывать информацию как на английский, так и на американский манер. Он владел даром разведчика и от природы был наделен чутьем, какому позавидовал бы любой полицейский. Обладая небольшим состоянием, он работал, когда хотел, и получал большие деньги от влиятельных парижских журналов, ценивших его труды на вес золота.

Это был красавец лет двадцати пяти — двадцати шести, с темными волосами и бородой, с матовым, как у креола, цветом кожи, с голубыми глазами, на редкость острыми и проницательными.

Искусный во всех физических упражнениях, страстно любящий спорт, донельзя отважный, Поль Редон имел две оригинальные слабости: он всегда зяб, кутался целый год в меха и воображал в себе всевозможные хронические болезни. Характер у него был прямой и честь незапятнанна. Осмеивавший, по-видимому, все, он способен был увлекаться великими идеями. К этому надо добавить еще железную волю, какой нельзя было и подозревать в человеке, приходившем в ужас от сквозняков и не пропускавшем ни одного объявления о новоизобретенном средстве, исцеляющем все, даже воображаемые болезни.

С Фортэном они подружились еще в юности в коллеже Сен-Барб и сохранили эту чувство до зрелого возраста. Будучи одних лет со своим другом-репортером, Леон Фортэн совершенно не походил на него ни духовно, ни физически.

Этот здоровяк с широкими плечами и выпуклой грудью состоял как бы из одних мускулов и обладал силою атлета. Прекрасная и гордая голова его напоминала орлиную маску древних галлов, от которых достались ему в наследство большие, цвета морской воды, глаза, изящно обрисованный нос, красные губы и длинные усы. Сильный и смелый, как лев, глядевший бы хладнокровно даже, на-верное, и на ниспровержение небес, он обладал мягкостью и доб-

ротой, располагая к себе всех вокруг. По виду его можно было отнести к неугомонным героям и участникам громких авантюр. Но это не соответствовало истине. Леон Фортэн, сын, внук, правнук и т.д. по нисходящей линии, был потомком записных вояк. Однако, унаследовав от них внешность, он по профессии не имел с ними ничего общего — это был молодой и уже замечательный ученый. Да, замечательный, оригинальный и, может быть, гениальный ученый, открытия которого, еще наполовину только известные, уже наделали много шума. Вся его жизнь сосредоточивалась на работе.

— Скажи же, что привело тебя в мое скромное убежище? — спросил он приятеля.

— Помилуй, неужели ты не знаешь, что в двух шагах от тебя совершено преступление?

— Преступление! Здесь? Странно...

— Скажи... необыкновенно, ошеломляюще! За время своей репортерской деятельности я повидал много убийств, и все они имели мотивы...

— А тебе известно, кто жертва?

— Да, погиб бедный, невинный человек, не имевший даже врагов; убит из каких-то необъяснимых побуждений... я бы даже сказал — из любви к искусству.

— Странно, — произнес Фортэн задумчивым и печальным тоном, — как нынче мало ценится человеческая жизнь! Убивают, кромсают людей ни за что... не зная их... Да, есть люди, для которых пролить кровь себе подобного значит то же, что для меня — кровь моих бедных маленьких свинок!

— А ты еще мучишь индейских свинок?

— Увы, да!.. Я только что открыл новое анестезирующее средство, которое в будущем вытеснит хлороформ... Сейчас ты о нем ничего больше не знаешь!..

— И свинки страдают в ожидании, пока люди воспользуются им?

— Да!.. Да, мой старый филантроп!

— Но покажи, что ты прячешь на этом столе!

— А это, голубчик, величайшее открытие! Видишь на столе эти опилки? Ну так знай, что я сейчас произвожу опыты над новым металлом, открытым мною благодаря периодическому закону элементов великого русского химика Менделеева. Этот металл обладает способностью притягивать к себе золото, как магнит железо. Я смешивал здесь крошки различных металлов и приближал к ним кусок мною изобретенного. Тогда все крошки оставались в покое, а золотые притягивались к нему. Пойми, что если сделать из моего металла стрелку, наподобие магнитной, то золотые россыпи будут оказывать на нее такое же действие, как на магнитную — железо. Ведь с моим изобретением можно прибрать к ру-

кам все залежи золота на Земле. Для меня больше не существует тайны, скрывающей золото в недрах земли, и сокровища Клондайка, Юкона, Аляски принадлежат мне! Свой металл я назову леониум. Ну что, веришь ты в мое открытие?

— Я восхищен им!

— Теперь мне нужно во что бы то ни стало пятьдесят тысяч франков. Необходимо начать широкомасштабное исследование леония, получить в достаточном количестве чистый металл и, когда все это будет кончено, организовать под большим секретом экспедицию в Клондайк.

— Вот это мне особенно по душе!

— Но подумай: я не мог найти ни единого су на это так восхитившее тебя открытие.

— О глупость!.. Непроходимая глупость нашей денежной буржуазии!

— В Америке, где обращаются с деньгами не так идиотски, как у нас, я имел бы уже тысячу долларов! Напрасно я обращался к людям интеллигентным, — они не хотели даже выслушать меня. Если б ты видел, что с ними происходило при словах «пятьдесят тысяч франков».

— Да, наша французская бережливость держится еще за старый шерстяной чулок!

— В отчаянии я отправился к богатому промышленнику Грандье, живущему на вилле «Кармен», которого считал сторонником прогресса, способным отозваться на все оригинальное и великое. Он рассеянно выслушал меня, а когда я попросил пятьдесят тысяч франков, то он попросту указал мне на дверь, назвав меня сумасшедшим. Хотя в его оправдание надо заметить, что я изложил ему дело в несколько резкой форме и только впоследствии вспомнил, что он имел все права на мое уважение.

— Как это?! Какие права?

— Это маленькая тайна, которую ты узнаешь потом!

— Ну, если Грандье имел глупость тебе отказать, я ручаюсь, что ты получишь нужную сумму и в скором времени!

Тяжелые шаги, сопровождаемые бряцаньем шпор, прервали беседу.

— Здесь! — произнес грубый голос у самой двери маленькой лаборатории, устроенной Фортэном в углу сарая. — Помните, он страшно силен, и вы должны находиться рядом, если что!

Затем последовали два удара в дверь.

— Войдите! — отвечал молодой ученый удивленным тоном.

Дверь открылась, и оказался жандармский унтер-офицер. Он, не кланяясь, приблизился к Фортэну и строгим голосом спросил:

— Вы — Леон Фортэн?

— Да!

— Именем закона вы арестованы!

— Именем закона вы арестованы!

— Я? Но это бессмыслица!.. В чем же меня обвиняют?

— В том, что вы убили бедного невинного человека по имени Мартен Лефевр, проживавшего на улице Сен-Николь!

При этом чудовишном обвинении из груди Леона Фортэна вырвался крик ужаса и негодования.

— Я?! Убийца?! Но вы сами...

— Молчите и повинуйтесь добровольно; в противном случае...

— Но то, что вы сказали, ужасно! Против этого позора говорит вся моя честная жизнь!

— Это меня не касается! — грубо прервал жандарм. — Я имею приказ арестовать вас и выполнять его!

Поль Редон сделал было попытку вмешаться в разговор, но жандарм скользнул взглядом по этому закутанному в мех человеку, которого он видел утром вблизи места преступления, и пробормотал:

— С вами я никаких дел не имею! Ну, прощайтесь скорее, — прибавил он нетерпеливо, — а вы, Леон Фортэн, следуйте за мною!

Бледный, растерянный Фортэн окинул последним взглядом свою маленькую лабораторию, где провел столько отрадных минут, и сердце его сжалось от боли. Ему хотелось в эту минуту обнять отца и мать, приласкаться с бесконечной нежностью к своим добрым старичкам, как делал это в детстве, и уверить их в своей невинности. Но они были в поле, занятые обычным трудом, и, может быть, так даже было лучше.

— Я их увижу... я скажу им... поддержу их, как сделал бы твой брат, мой дорогой Леон! — вскричал Редон, нервно пожимая руки своего друга. — А ты будь терпелив!.. Дело разъяснится... Я похлопочу об этом и сумею доказать правду, назло чиновникам и жандармам. Теперь же я следую за тобою!

ГЛАВА III

*Тягостный путь. — Истинный друг. — Перед судом. —
Вопрос. — Цветы обвиняемого. — Дама в голубом. — Донесение
агента. — «Это вы — убийца!»*

Жандарм открыл дверь и повелительным жестом пригласил молодых людей выйти. На улице другой жандарм с трудом сдерживал шумную толпу. При виде Поля и Леона раздался дикий рев.

— Убийцы!.. Вот они, негодяи!.. Бандиты! Смерть им!.. Смерть убийцам!

Особенною яростью отличались женщины, готовые бить и всячески мучить мнимых преступников.

Наконец они прибыли в мэрию, где уже находился следователь и помощник прокурора Республики, приехавшие из Версаля, и мировой судья из Сен-Жермена. Редон обнял своего друга и прошептал несколько слов утешения.

— Ну, довольно! — положил конец их беседе жандарм.

Редон дружески протянул ему руку. Он был знаком со всеми и находился в наилучших отношениях с магистратом. Пользуясь благоприятным случаем, он живо отвел в сторону своего знакомого и шепнул ему на ухо:

— Поверьте, вы страшно заблуждаетесь; даю вам честное слово, что Фортэн невиновен!

— Я очень бы желал этому верить, но мы арестовали его, имея важную улику!

— Какую же?

— Этого я не могу сообщить!

— Хорошо, но дадите вы мне возможность провести свое расследование?

— Охотно!

— Тогда прикажите предоставить мне свободный доступ в дом, где совершено преступление.

— Это можно!

— Благодарю! Я не останусь в долгу!

— Советую вам не горячиться, чтобы не попасть в оплошность и не повредить делу.

— Еще раз благодарю вас!

— Через два часа, после завтрака, мы будем допрашивать обвиняемого. Вы придете?

— Да, до свидания!

Теперь в зале остались только трое судей, писарь, жандармский унтер-офицер и Леон Фортэн.

Следователь приказал жандарму удалиться в коридор и не впускать никого, потом учтиво предложил подсудимому сесть и приступил к одному из тех ужасных допросов, какие приводят в замешательство даже невиновного, теряющегося от совершенной неожиданности и странной постановки вопросов. Сначала были уточнены имя, фамилия и род занятий обвиняемого.

Фортэн, Леон-Жан, 26 лет, доктор наук, ассистент факультета парижского университета, получает содержания 150 франков в месяц, живет у родителей в Мезон-Лаффите, ездит по делам три, четыре, иногда пять раз в неделю в Париж, имеет абонемент для проезда в 3-м классе Западной железной дороги.

Пока писарь заносил эти сведения на бумагу, следователь впился глазами в Фортэна и спросил его:

— Знаете вы господина Грандье?

При этом вопросе, по-видимому ничего общего не имевшем с преступлением на улице Сен-Николь, Фортэн явно покраснел и в замешательстве отвечал:

— Да, я знаю господина Грандье... но очень мало... я с ним говорил лишь однажды... при затруднительных... или, скорее, непростых для меня обстоятельствах!

— Сообщите, пожалуйста, эти обстоятельства.

— Охотно, так как это единственное свидание не оставило во мне ни стыда, ни упрека! Я — изобретатель, и очень бедный. Нуждаясь в большой сумме с целью внедрить открытие, долженствующее произвести экономический переворот во всем мире, я ходил на прошлой неделе просить эту сумму у господина Грандье.

— А как она высока? — спросил небрежно следователь.

— Пятьдесят тысяч франков!

Услышав такой ответ, судейский чиновник слегка повел глазами и закусил губы, как человек, начинающий убеждаться в справедливости своего предположения.

— Итак, вы хотели занять пятьдесят тысяч франков у Грандье?

— Да, хотя эта попытка оказалась величайшею из глупостей, когда-либо сделанных мною!

Тогда следователь перешел к другому вопросу:

— Где вы были вчера в полдень?

— В лесу!

— Когда завтракаете?

— В двенадцать часов, так что я должен был бы находиться в это время дома; но я вернулся, против обыкновения, только к часу!

— Зачем же вы изменили своей привычке?

— Я шел своей обычной дорогой, как вдруг увидел взмыленную лошадь без всадника. Напрасно пытался я ее остановить... Я был отброшен и сбит с ног.

— Сколько было времени тогда?

— Четверть первого!

— Когда же вы смогли вернуться домой?

— Для этого потребовалось бы около десяти минут!

— Почему же вы вернулись через час?

Вторично Леон Фортэн покраснел и обнаружил волнение.

— Отвечайте мне с полной откровенностью, — прибавил следователь, — скажите всю правду!

Напрасно пытался я остановить взмыленную лошадь без всадника.

— Уверяю вас, что я занимался очень невинным делом, совершенно чуждым печальному предмету, о котором мы говорим.

— Я забочусь о ваших же интересах!

Фортэн, сделав над собою усилие, начал:

— Хорошо! В тот момент, когда встретила лошадь, у меня в руке был букет из фиалок и первоцвета... Одной свободной рукой я не мог удержать лошадь, и мой букет очутился у нее под копытом. Из-за этого я должен был набрать свежих цветов!

В ответ на это следователь иронически улыбнулся, слегка пожав плечами.

— Можете вы сказать, кому предназначались эти цветы?

— Нет, — возразил с твердостью Леон, — не могу и не хочу!

— Подумайте, к каким важным последствиям может повести ваше умалчивание при изложении этой малоправдоподобной истории!

— Это мой секрет, и вы его не узнаете!

— Как угодно... Встретили ли вы кого-нибудь по дороге?

— Никого, как мне кажется... или я не обратил внимания ни на кого. Может быть, я даже прошел мимо нескольких человек, не заметив их!

— Однако вас видели!

— Возможно: я не прятался. Впрочем, видевшие меня могут подтвердить справедливость моих слов!

— Да, без сомнения, но не всех!

При этом следователь наклонился к писарю, после чего тот положил перо и быстро вышел, а через несколько минут вернулся в сопровождении Шелковой Нити и Бабочки, двух помощников Жерве, все еще одетых один — рабочим, другой — служащим Западной Компании.

— Узнаете вы этого господина? — обратился без всяких обиняков следователь к Бабочке.

— Да, я встретил его вчера в лесу, когда мы увидели лошадь своего начальника, бедняги Жерве. Мой товарищ, Шелковая Нить, остановил лошадь и поехал на ней в Мезон-Лаффит, я же возвращался пешком, когда заметил господина, находящегося теперь перед вами. Он привлек мое внимание потому, что шел быстро и казался взволнованным, но особенно меня поразила его запачканная пылью одежда и помятая шляпа. Удивленный исчезновением своего начальника, я искал причины этого исчезновения и, увидя незнакомца, так мало походившего на гуляющего, принялся за ним следить.

Он достиг Мезон-Лаффита, и я видел, как он шел вдоль решетки богатой виллы и наконец остановился и положил за столбом

букет, который держал в руке. После этого он удалился от виллы, причем я следовал за ним на расстоянии почти двухсот метров; однако мне удалось заметить очень элегантную даму, одетую в голубое, под белым зонтиком, которая торопливо взяла букет.

— Вам известно название этой виллы?

— Оно обозначено золотыми буквами на белой мраморной доске, находящейся над главным входом. Это — вилла «Кармен»!

— Ну-с, господин Фортэн, что вы скажете на это? — спросил с иронией следователь.

— Скажу, что это показания шпиона, которому нечего здесь делать! — ответил раздраженный молодой человек.

При слове «шпион», неосторожно сорвавшемся с языка Леона, полицейский агент побледнел и бросил на него гневный взгляд.

По знаку следователя он продолжал:

— Тогда я проследил за этим господином до его дома и узнал, кто он такой. Потом мы занялись Жерве, которого нашли вечером того же дня в Сен-Жерменском госпитале в отчаянном положении. Он не узнал нас и не мог дать никаких показаний относительно нападения, жертвою которого стал.

— Вы продолжаете думать, что здесь было преступление, а не случайность?

— Преступление — утверждаю это! Кроме того заявляю, что этот господин, занятый в лесу собиранием маргариток и находившийся так близко от места преступления, причастен к нему.

Тут Леон Фортэн потерял свое обычное хладнокровие и порывисто вскричал:

— Что же случилось и чего вы хотите от меня? Как! Вы арестовали меня без всякого основания, как убийцу, и вот явился этот человек и под предлогом, что я собирал цветы в лесу, обвиняет меня в другом убийстве! И ваша совесть, господа беспристрастные, справедливые люди, не возмущается?! Вы допускаете, что человек, ознаменовавший свое прошлое славной работой и неподкупной честностью, может сделаться преступником в один день! Это чудовишно!.. Я протестую против оскорбления, нанесенного моей чести!

В ответ на это следователь молча вынул из кармана небольшой пакет, завернутый в газетную бумагу, потом развернул бумагу и открыл маленькую записную книжку, снабженную карандашом и резиновой тесьмой.

— Узнаете вы эту книжку? — сказал он ледяным тоном, показывая ее Фортэну.

— Да, она принадлежит мне! — отвечал последний без малейшего колебания. — Я потерял ее вчера, вероятно, в лесу, когда был сбит с ног лошадью.

— Так! А можете вы объяснить происхождение кровавых пятен на переплете и некоторых листках?

— Очень легко: я пробую на морских свинках новое анестезирующее средство и, когда произвожу вивисекцию над этими маленькими животными, то заносу наблюдения в эту книжку. Я работаю быстро, в это время рук не мою и не могу таким образом избежать пятен на книжке. Вот вам истинная правда!

— Вы лжете и бессовестно нагромождаете обман на обман!

— Я говорю правду!

— Мотив ваших преступлений — непомерное честолюбие. Вы просили пятьдесят тысяч франков у Грандье; он отказал вам... Тогда вы подвергли этого несчастного шантажу и страшным угрозам, доведшим его до самоубийства.

— Я!.. Шантаж... против него... но это клевета!

— Молчите! У нас в руках ваши письма. Чтобы запугать Грандье и подчинить его своей воле, вы совершили убийство на улице Сен-Николь.

— Мои письма!.. Мои письма! — пробормотал Фортэн. — Я никогда не писал Грандье!

— Да, ваши письма с багровой звездой, написанные почерком, который поразительно напоминает почерк вашей записной книжки. А эта книжка для записок? Вы не в лесу ее потеряли... знаете ли, где она была найдена? У постели вашей жертвы на улице Сен-Николь!

ГЛАВА IV

Редон принимается за дело. — Первые доказательства. — Труд наука. — Западня. — Это — англичанин. — Луч света. — Возвращение в Париж. — Задержка багажа. — По телефону. — Удар ножа.

Допрос продолжался еще долго. От измученного Леона Фортэна не услышали ничего — только негодующие возражения. Затем весь судебный персонал позавтракал с аппетитом, ничуть не пострадавшим от утреннего волнения. Это заняло добрых два часа, и ни одной минуты из них Поль Редон не потратил без пользы для дела. Получив разрешение товарища прокурора, он помчался к

дому, где было совершено преступление. Там у входа стоял жандарм, не пропуская никого без специального разрешения.

Все помещение состояло из маленького домика, расположенного между двором и садом, с прачечной да каретным (бывшим одновременно и дровяным) сараем, упиравшимся в забор, и занимало около ста двадцати квадратных метров. Строения и забор находились в плохом состоянии; видно было, что хозяин не заботился об их поддержании. Это был мужчина старше пятидесяти лет, оригинал, избегавший общества и слывший невероятно скучным; с ним жила старая семидесятилетняя ключница, глухая и наполовину калека. Близ трупa, силуэт которого обрисовывался под запятанным кровью одеялом, дежурила монахиня.

Репортер прежде всего тщательно осмотрел наружную стену забора, причем его внимание привлекли кусочки черепицы, валявшиеся под лестницей. Черепица на верхней части стены действительно оказалась облупленной, и под лестницей виден был след ног, сильно упиравшихся в землю. Следы были совершенно свежие и отчетливые.

«Здесь убийца проник вовнутрь ограды! — подумал репортер, изучая отпечатки ног со вниманием краснокожего, вступившего на тропу войны. — Стена не выше двух с половиною метров, и он мог перелезть через нее без большого труда».

Еще утром репортер решил, что убийца пробрался в дом, разбив стекло террасы, но он не заметил тогда ни малейшего его повреждения. Теперь же он подошел к стеклу и стал его внимательно рассматривать. Оказалось, что оно было вырезано алмазом, и до такой степени искусно, что Редон покачал головой и пробормотал:

— Чистая работа!

Орудиями послужили, очевидно, кусок смолы и алмаз, используемый стекольщиками. Преступник, размягчив предварительно смолу в руках, прилепил ее на середину стекла и около замазки обвел алмазом; потом левою рукою схватился за кусок смолы, сильно приставший к стеклу, а правой стал легонько ударять по последнему до тех пор, пока оно не отделилось почти без всякого шума. Благодаря смоле стекло не упало, и открылся свободный проход.

Редон скоро нашел и самое стекло; оно находилось у стены, под окошком, и было почти совсем скрыто кустом ревеня.

Он поднял его и осмотрел все четыре стороны: тут все было сделано опытной рукой. Затем взгляд его остановился на куске смолы, и радостное восклицание вырвалось из груди: два темных, слегка волнистых волоса, длиною по крайней мере пятнадцать

сантиметров, пристали к смоле. При этом открытии в голове репортера сейчас же сложилась такая гипотеза:

«Человек, вынувший стекло, имеет длинную бороду, волосы из которой остались на смоле во время проделанной операции. Отпечаток ног и эти волосы — вот уже в моих руках недурная парочка доказательств. Крайне необходимо получить отпечаток следов!»

С этой мыслью он вышел из ограды и сказал дежурному жандарму:

— Я вернусь через минуту... дайте мне, пожалуйста, адрес гипсовой лавки.

Получив адрес, наш добровольный сыщик побежал в лавку, купил там полмешка гипса, взял лопату и бегом же вернулся к месту преступления. Здесь, накачав у колодца воды и отыскав в прачечной маленькую кадуюшку, он принялся растворять гипс, не обращая внимания на покрывавшие его одежду брызги.

Когда раствор приобрел известную густоту, он наполнил им обе выемки, образованные ногами ночного посетителя. Заинтересованный жандарм, переставший уже считать помешанным этого элегантного молодого человека, подошел к нему и сказал:

— Ну и хитрец же вы, сударь!

— Вы поняли?

— Да, и полагаю, что эти куски будут иметь в глазах суда немаловажное значение!

— А вы согласитесь письменно удостоверить тождество их со следами?

— Конечно, как и все, что вам удастся открыть здесь для выяснения дела!

— Благодарю! Вы — храбрый и благородный человек!

Пока гипс затвердевал, Редон отправился в комнату, где лежал труп. Он почтительно раскланялся с монахиней, читавшей молитвы над покойником, объяснил ей мотивы своего присутствия и приступил к исследованию.

Внутренность жилища, как и наружный вид его, не отличалась привлекательностью: везде лежала пыль и тянулась паутина. Одного из прилежных «ткачей» репортер увидел в складках балдахина, осенявшего кровать. Он заботливо исправлял свою паутину, попорченную, очевидно, не особенно давно. Может быть, в момент преступления убийца наклонился над кроватью несчастного старика, потом быстро выпрямился и порвал паутину.

Редон попробовал даже воспроизвести эту сцену, как она представлялась его воображению, и нашел, что человек одина-

кового с ним роста должен был непременно задеть паутину. Таким образом серия его доказательств пополнилась еще одним.

Осмотр мебели и пыли не дал никаких результатов, так что репортер собирался уже уходить, как вдруг нога его задела что-то твердое. Он наклонился и поднял пуговицу, простую пуговицу от брюк. Но Редон знал, что при производстве следствия нельзя пренебрегать никакой мелочью, как бы ничтожна она ни казалась на первый взгляд. Он осмотрел пуговицу и заметил, что она была оторвана с силой, так что при ней остался кусочек материи. Сама по себе пуговица была довольно широкая, очень крепкая, имела особенную форму и надпись «Барроу Т. Лондон», — очевидно, имя портного и его адрес.

— Итак, — сделал заключение Редон, — ночью или утром здесь был мужчина, заказывающий свои костюмы в Лондоне. Не думаю, чтоб это был кто-нибудь из судейских или мой бедный Леон... Черт возьми! Что, если убийца — англичанин? Надо посмотреть ноги!

Он крепко завязал в уголок носового платка пуговицу и быстро спустился в сад. Гипс был тверд как камень. С бесконечными предосторожностями Редон разрыхлил землю, не жалея ногтей, и скоро в его руках очутились два великолепных отпечатка, воспроизводившие с замечательной точностью все детали обуви. Не было сомнения, что ботинки английской работы, а нога — длинная, плоская и узкая, словом, характерная нога англичанина.

Репортер торжествовал. В его руках находилась уже путеводная нить, правда очень непрочная и предположительная, но все-таки нить к разгадке тайны преступления.

— Ну, — говорил он, потирая руки, — ошибка ясна... это англичанин... и я найду его! Искать можно только в Сен-Жермене... Итак, живее туда!

Не теряя времени, он направился к извозчику за каретой, а пока запрягали, стряхнул пыль и постарался привести в порядок свой туалет. Заботливо отчистив известку, он нашел еще минуту сочинить следующую записку товарищу прокурора:

«Не имею возможности присутствовать при допросе. Я напал на след, совершенно чуждый вашему. Завтра подробности к вашим услугам. Берегитесь ловушки!

Ваш Редон».

Затем он мчится в Сен-Жермен. По прибытии туда наш следователь первым делом обходит все отели, начиная с самого шикарного — «Павильона Генриха IV».

СОДЕРЖАНИЕ

ПОХИТИТЕЛИ БРИЛЛИАНТОВ

Перевод *В. Финка*
Иллюстрации *Ж. Фера*

Часть первая ОПАСНЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ ТРЕХ ФРАНЦУЗОВ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

- Глава первая.* Алмазный прииск. — Алмазная лихорадка. — Нельсонс-Фонтейн. — Жертвы краха. — Альбер де Вильрож и его друг Александр Шони. — Последствия одной дуэли на пистолетах. — Сокровища королей Южной Африки. — В неведомую страну. — Загадочное убийство 7
- Глава вторая.* Удачливый народ. — Золотоносные земли и алмазные прииски. — История английской Капской колонии. — Борьба англичан с бурами. — Свободное государство Оранжевой реки и республика Трансвааль. — Первые алмазы. — Для какой цели кафры в старину пользовались алмазами. — «Звезда Южной Африки». — Прииски сухие и речные. — Политика захватов. — Злоключения господина Дютуа. — Полицейский художник. — Мастер Виль. — Сон полицейского. — Нож и ножны. — След 19
- Глава третья.* Под баобабом в ожидании завтрака. — Виль начался романов о путешествиях. — Прожекты будущих миллионеров. — Как каталонцы произносят «б» и «в». — Проповедник или канцелярист. — Оригинальная форма изгнания. — Наивные хитрости детей природы. — Тайна 29
- Глава четвертая.* Чернокожие требуют плату за проход через их территорию. — О французских исследователях. — Не имея ничего другого, три француза хотят платить припасами. — Голлод среди туземцев. — Рядом с хищниками. — Стадо слонов. — В чем опасность охоты на слонов. — Ужасное положение. — Под ногами толстокожего. — Волнение Жозефа отражается на его речи. — Раненые гиганты. — Лошадь под Александром пугается, на Александра наступает слон. 39
- Глава пятая.* Белый носорог. — Он поднимает и коня, и всадника. — «Подожди ты у меня!» — Неплохая коллекция заноз. —

- Африканский слон. — Как устроены бивни. — Взрыв. — Лечение слона. — Как измерить рост слона. — Жареные ноги. — Жаркое из хобота. — Вес бивней и цены на слоновую кость. — Прекрасное место для цилиндрической пули восьмого калибра. — Сушеное мясо. — Тревога 48
- Глава шестая.* Четыре разбойника. — Подвиги Альбера де Вильержа запечатлены неизгладимыми письменами на лицах Похитителей Бриллиантов. — В заброшенном шалаше. — Полугиппопотамы-полубизоны. — Его преподабие. — Угасающая отрасль промышленности. — Любовь и ненависть африканского бандита. — Воры, пьяницы и картежники. — Еще о сокровищах кафрских королей. — План Клааса. — Письмо и газетная заметка. — Сплетение интриг. — Человек, которому нужен труп! 58
- Глава седьмая.* Размышления самонадеянного, но нерешительного полицейского. — Человек, который верит в предчувствия. — Концерт диких зверей. — Кто рычал — лев или страус? — Шакал охотится, лев забирает добычу. — Новый подвиг опытного охотника. — «На помощь!» — У льва в пасти. — Бред. — Жаркое из слоновьей ноги. — Мнение доктора Ливингстона о южноафриканском льве. — Появление его преподабия, который узнает в раненом мастера Виля 68
- Глава восьмая.* Полицейский и бандит. — К путникам присоединяются один проводник, один шпион и один враг. — Пустыня Калахари. — Питательные клубни и арбузы. — Бушмены и бакалахари. — На что идет желудок дикой полосатой лошади куагги. — Жажда. — Рябчик — дурная примета. — Четвероногие, которые могут обходиться без питья. — О чем говорят следы носорога. — Невидимый водоем в Калахари. — Иссякший источник. — Бедствие 80
- Глава девятая.* Человек, который не любит лошадей. — Разведчик. — Бушменский крааль. — Люди пьют кровь. — Как утолить жажду. — Как бушмены роют колодцы. — Воду держат в скорлупе страусовых яиц. — Мастер Виль начинает жалеть, что отправился в путь. — Почему его преподабие так легко сносил лишения. — Капля воды в пустыне. — Укус пикаколу. — Героическая самоотверженность. — Чамбок 89
- Глава десятая.* Работорговцы. — Что такое чамбок. — Так ему и следует! — Искупление. — Благодарность — добродетель чернокожих. — Праздник в краале. — Пирушка у туземцев. — Корни, стрекозы, гусеницы, ящерицы, черепахи и лягушки. — Остроумное устройство печи. — Пиво в плетенке. — Приготовления к большой охоте 98

- Глава одиннадцатая.* Взгляды человека с двойным зрением. — О чувствительности. — Утерянный медальон. — Облава. — Что такое «хопо». — Антилопы, жирафы, буйволы, зебры, лоси. — Охотничий праздник. — Невиданное скопище южноафриканских зверей. — Паника. — Избиение. — Что произошло, когда убили куагу. — Носом к носу с огромным крокодилом. — Смертельная опасность 107
- Глава двенадцатая.* Обмен опытом. — Подарок «людей обезьяны». — Бесчисленные ответвления семьи бечуанов. — Как добывают соль жители Калахари. — Отсутствии Александра. — Тревога. — Бесплодные поиски. — Александр в плену. — Португальские мулаты. — Предложения мерзавца. — Страшная угроза. — Алчность и жестокость. — Покинутый крааль. — Казнь белого. — Страшные пытки. — Пролом в частоколе 117
- Глава тринадцатая.* Мрачное возвращение. — Мучительное ожидание. — Ночной праздник. — Веселье в краале. — Стрелы и яд бушменов. — Нгуа — яд смертельный. — Туземная музыка. — Гурра и жум-жум, рабукены и ромельпо. — Пляска. — Человек, который так хорошо танцует, должен драться еще лучше. — Воины напали на след. — Страшное возмездие. — «Но где белый вождь?» — «Кто меня любит, за мной!» 126
- Глава четырнадцатая.* Бешеная скачка. — В чем преимущество кожаных наручников перед веревочными. — Александр стал дичью, за ним охотятся крокодилы. — Он едва не съеден. — Расплата за добрый поступок. — На что может пригодиться пучок колючек, завернутый в охотничью куртку. — Крокодил здорово наказан. — Как туземцы погоняют лошадей. — Отравленная пика. — Освободитель рабов сам попадает в рабство. 135
- Глава пятнадцатая.* Человек, который верит в нелепости. — Бушмены считают, что борода помогает европейцам не заблудиться в лесу. — По следу. — Стрела с красным оперением. — Муха цеце. — Любопытное обезвреживание. — Отчаянный план. — Плот. — Буря, гроза, наводнение. — Истребление лошадей. — Погибли! — Опять предательство. — Приступ злокачественной лихорадки. 145
- Глава шестнадцатая,* в которой читатель наконец знакомится с госпожой де Вильрож и ее отцом. — На алмазные поля! — По Южной Африке. — Нападение на дилижанс. — Бандиты в масках. — Опять убитые. — Гнусная комедия. — Новые проделки Клааса. — Пастор Смитсон тяжело ранен. — Покинутый крааль. — Странная встреча. — Еще одна жертва бура. — Дочь торговца из Нельсонс-Фонтейна. — Две сиротки 154

Часть вторая
СОКРОВИЩА КАФРСКИХ КОРОЛЕЙ

- Глава первая.* Драка на прииске. — Крепкие словечки, подкрепленные затрещинами. — Необыкновенная дуэль. — Нож против револьвера. — стакан крови за стакан воды. — Сэм Смит. — Самородок ценой в пятьдесят тысяч франков и алмаз величиной с орех. — Три выстрела и три рваные раны 164
- Глава вторая.* Великолепный удар. — Три друга. — Снова вместе. — Опасное недоразумение. — Мерзкое обвинение. — Буры. — Опять драка. — Вид Альбера де Вильрожа плохо действует на двух мерзавцев. — В окружении. — На баррикады! — Бомбардировка полотняного дома. — Живописная и удачная оборона. — Пролом. — Отступление. — В краале. — Возобновление военных действий. — Александр мимоходом сообщает своим друзьям, что имеет на триста тысяч алмазов 177
- Глава третья.* Радость человека, потерявшего двадцать тысяч франков золотом. — Жозеф становится сапером поневоле. — Белый в рабстве у чернокожих. — «Хижина дяди Тома» навыворот. — Что думает парижанин, когда на него надета колодка раба. — Опасность поджога. — Пролом. — Стена обрушилась. — Военная хитрость. — Какую пользу может принести беглецам кусок горячей пакли, если его сунуть лошади в ухо. — Александр и его двойник. — Опять Сэм Смит 186
- Глава четвертая.* «Мози-оа-Тунья», или «Там гремит дым». — Замбези. — Древняя империя Мономотана и Офир — город царя Соломона. — Водопад Виктория. — Острова Верхней Замбези. — Великолепие природы. — Садовый Остров. — Александр становится лодочником. — Жозеф еще не удовлетворен своей мезью. — На мели. — Легенда батоквов. — Жертвоприношение баримам. — «Столбы богов». — Две акации, остров и базальтовая стрелка 195
- Глава пятая.* Разговор о мастере Виле и его преподобии. — Высадка на острове. — Необычайные приключения Александра. — Любопытная находка: охотничья куртка в желудке крокодила. — Как сделать вещи непромокаемыми. — При лунном свете. — После драмы — комедия. — Встреча с африканским царьком. — Признательность его величества короля Магопо . . . 204
- Глава шестая.* Альбер де Вильрож находит, что в Южной Африке любят сплетничать. — Досадная неудача. — Вторжение племени маколло в страну батоквов. — Как туземцы борются с лихорадкой. — Копченый путешественник. — В стране голода. — Чудесные приключения человека, у которого никаких

- приключений не было. — Одиссея Жозефа. — Встреча с любезным незнакомцем. — Двойник Александра дорого берет за услуги 214
- Глава седьмая.* Любопытная находка. — Что было написано кровью на чистой страничке Библии. — Бандит взволнован. — Сэм Смит разыгрывает Дон-Кихота. — Вслед за фургоном. — Монолог Клааса. — Неудачи белого дикаря. — Героиня. — Сила слабых. — Клаас признается, что ему страшно. — Лошадь Корнелиса. — «Смерть грабителю!» — Ошибка. 223
- Глава восьмая.* Клаас — человек ловкий, его дела идут хорошо. — Одни в пустыне. — Клаас меняет тактику. — Страшные последствия пустякового случая. — О чем свистела змея пикалолу. — Посланец буров. — Кайман — Пожиратель людей. — Проломанная Башка и Одноглазый Бизон. — «Обман! Все обман!» — Кайман возвращается к водопаду. — Свидание белого дикаря с дикарем черным 232
- Глава девятая.* Братья-враги. — Война на истребление. — Гибель целого племени. — Три основных южноафриканских народа: кафры, готтентоты, бушмены. — Опасное путешествие по Верхней Замбези. — Опять на мели! — Жозефу мерещится передвижение скал. — Встреча с разъяренным гиппопотамом. — Плавание по воде, окрашенной кровью. — Любовь матери. — Садовый Остров. — Крик отчаяния 240
- Глава десятая.* У его преподобия дело расходится со словом. — Приготовления к оказанию помощи. — Благородный поступок. — Старые знакомые. — Гэн и Хорс. — Негры изумлены. — Александр с удивлением узнает, что наделен даром вездесущности. — Битва белых с батоксами. — Три друга расстаются наконец с его преподобием и с мастером Вилем. — Гэн — посол при короле макалоло. — Придворный глашатай. — Африканский этикет. 247
- Глава одиннадцатая.* Церемониал приема. — Вождь макалоло присваивает себе английский государственный гимн. — Дородность женщин племени макалоло. — Неудобные украшения. — Странное пиво. — Полума, великий фетиш вождя Сешеке. — Необычная судьба извозчичьего плаща. — Котла. — Парадное одеяние африканского монарха. — Сешеке танцует в котильоне. — Шампанское. — Трогательная аллегория при заключении мирного договора. — Новые опасения 257
- Глава двенадцатая.* Одиссея Сэма Смита. — Опасная профессия. — Вор с причудами. — История с лошадью. — Охота за Сэмом Смитом. — Из огня да в полымя. — Засада. — Афри-

- канские воины. — Реванш Сэма Смита. — Магопо и батоки. — Смит использует свое сходство с Александром. — Смерть макалоло!.. 266
- Глава тринадцатая.* Крепость на колесах. — Приток Замбези. — Тропический пейзаж. — Флора и фауна Южной Африки. — Птица-полицейский. — Качи и секретари. — Птица-кузнец. — Человек наводит панику. — Неудобный соперник. — Два парламентаря. — Между своими. — Перемирие. — Мучительное ожидание. 276
- Глава четырнадцатая.* Клаас обдумал план обороны. — Заросли эвфорбий. — Приготовления к ночной экспедиции. — Мнение бура о револьверах. — Клаас узнает, как попала в руки его преподобия карта, украденная у Жозефа. — Братья-враги. — Отравление реки. — Страшные последствия купанья. — Ужасные свойства эвфорбий. — Не на чем ехать. — Гроза. — Наводнение. 284
- Глава пятнадцатая.* Белые производят на африканских негров странное впечатление. — Жозеф узнает человека, который его ограбил. — Батоки и макалоло потрясены, увидев двух Александров. — Сэм Смит ставит условия. — Альбер узнает о похищении жены. — Сто тысяч франков за карабин. — Вперед! — Три смельчака. — Страшная ночь. — Гроза. — Потоп. — Крик ужаса. — Фургон в опасности. — Альбер узнает Клааса. . . . 293
- Глава шестнадцатая.* Отчаяние. — Неожиданная помощь. — Противоядие. — Примочки из мокуна. — Ужас бандита. — Сейчас фургон будет затоплен. — Фургон-корабль. — Бушующий поток. — Разлив. — В лагере. — Доморошенные врачи. — Зуга и бушмен. — Мастер Виль. — Подлое предательство. — Обвинение в убийстве. — Фургон скрывается под водой. 302

Часть третья
ДРАМЫ В ЮЖНОЙ АФРИКЕ

- Глава первая.* Наводнение. — Его преподобие утратил всякий престиж. — Питер не доверяет грамотным людям. — Три негодяя изумлены. — Боксер. — Братья получают взбучку. — Незнакомец приводит их в чувство. — Корнелис и Питер находят себе хозяина. — Тревога. — Опять Сэм Смит. — История бандита. — Донос. — Пятьдесят ударов кнутом. — Как слон мстит крокодилу. — Муки его преподобия. — Загадка 311
- Глава вторая.* Самосуд. — Закон Линча. — Вору прощения нет. — Судебное заседание в лесной чаще. — Два честных француза

- на скамье подсудимых. — Еще одна подлость мастера Виля. — Оба друга впервые узнают об убийстве торговца в Нельсонс-Фонтейне. — Кого повесят? — Верный способ заставить свидетеля давать показания. — Медальон Альбера. — Никакой отсрочки. — Приговор окончательный, обжалованию не подлежит. — Печальный конец палача-любителя 322
- Глава третья.* Нашествие змей. — Паника. — Крокодилы на охоте. — Опять вместе. — Ужас мастера Виля. — Жозеф говорит, что он «учится на крокодила». — Обычай бакуэнов. — Таланты Зуги. — На реке. — Жозеф угнал у Смита пирогу — теперь они поквитались. 332
- Глава четвертая.* Алмазная лихорадка. — Позднее раскаяние. — Ищейка и полицейский. — Тревожная ночь. — В пятистах метрах от тюрьмы на колесах. — Нетерпение. — Самый незначительный предмет может иметь большое значение. — Крыло бабочки или клочок бумаги? — Догадки Альбера. — Отчаяние 341
- Глава пятая.* Сэм Смит «в поход собрался». — Поражение без сражения. — Грабитель мечтает учредить фирму «Сэм Смит и К°». — Три следа. — Походка каторжника. — Что было с Джемсом Виллисом. — Муравьиная кислота. — Чуть не съеден заживо. — Чуть не утонул. — Что бывает с человеком, который падает в водопад Виктория 350
- Глава шестая.* Сила и слабость человеческого организма. — Кривая вывезла. — В угольной пещере. — Неожиданность. — Подземный ход. — Тайный склад. — Углубление в почве. — Еще один тайник. — Что иногда содержится в бочонке из-под анчоусов. — Шкатулка, достойная султана или набоба. — Золото!.. Алмазы!.. — Уж не тайник ли это Сэма Смита? 358
- Глава седьмая.* Первое собрание пайщиков фирмы «Сэм Смит и К°». — Смит считает, что, когда человек богат, он должен быть честен. — Что подразумевается в Южной Африке под выражением «соленые быки». — Питеру поручается купить упряжку. — О некоторых свойствах южноафриканского скота. — Украшение или уродование? — Яд убивающий и яд предохраняющий. — Предшественники Пастера 366
- Глава восьмая.* Оргия. — Жертвы Клааса. — «К оружию!» — Бахвальство. — Парламентер. — Ультиматум. — «Белые! Уходите отсюда!» — Последствия одного нарушения международного права. — Стрелы с красным оперением. — Чем кончилось пьянство. — Месть Питера. — Новое появление Каймана — Пожирателя людей 374

- Глава девятая.* Рабовладение в Южной Африке. — Белые дикари. — План Питера. — Питер использует суеверия макололо. — Разбойник черный и разбойник белый. — Побойше. — Ни победителей, ни побежденных. — Как Кайман — Пожиратель людей навсегда утратил вкус к человеческому мясу. — Загадочный мститель. — Инженер. — Питер становится вождем племени. — Быки есть, нужен фургон 385
- Глава десятая.* Покинутый фургон. — Осторожность волка. — Повреждение. — Луч надежды. — Находка Жозефа. — Плот Клааса. — Надо уметь ждать. — Варварство и цивилизация. — Беда научит. — Плотники, медники, конопатчики, а потом матросы. — Как Александр чинит водопровод. — Остроумный способ паять без железа, без огня, без олова. — Фокус. — Выстрел 392
- Глава одиннадцатая.* Путешественник по призванию. — Перелетные птицы. — После выстрела. — Военная хитрость. — В осаде. — Опасный маневр. — Полный успех. — В лодке. — На Замбези. — Кафр идет на разведку. — Следы в лесу. — На полянке. — Погасший костер. — Опять следы. — Бешеный бег. — Безрассудство 401
- Глава двенадцатая.* В темнице. — План побега. — Рудокоп поневоле. — Суп из водки. — Как изготавливаются свечи. — Взрыв. — Пожар. — «На помощь!» — Сэм Смит недоволен. — Рудничный газ. — «Кающиеся грешники» и «пожарные». — Новый взрыв. — Попались! 409
- Глава тринадцатая.* Сэм Смит продолжает изучать местность. — Белая линия в угольном пласте. — За компасом. — Как Сэм Смит попал на свою дачу. — Приступ безумия. — Муки его преподобия. — Сокровища кафрских королей. — Оскверненная усыпальница. — Новые последствия взрыва. — Жилище мертвых дает убежище живым. — Пожар 419
- Глава четырнадцатая.* Клаас готов применить силу, но добивается цели словами убеждения. — Впервые в жизни бур теряет самоуверенность. — Дикарь. — «Лучше смерть, чем позор!» — Воинственный клич. — Встреча. — Борьба. — Клааса погубила борода. — На радостях Жозеф опять путает «б» и «в». — Пытать бандита нет времени, надо его просто повесить. — Прощение. — Клаас всё равно должен был кончить плохо 427
- Глава пятнадцатая.* Первые минуты счастья. — Альбер отказывается от поисков клада. — Зачем бушмену понадобилась буйволиная шкура? — Подозрительная группа. — Негры под предводительством белого. — Фургон принесен в жертву. — Добыча и тень. — Новая группа туземцев. — Отсутствие бушмена. — Флотилия и плот. — Магопо 437

<i>Глава шестнадцатая.</i> Подвиги бушмена. — Магопо доказывает, что для кафра слово «дружба» — не пустой звук. — Загадочный дым. — Баримы разгневаны. — Магопо жертвует собой. — Ужас и суеверие. — Гроза. — Дым без огня. — Выстрел.	446
<i>Глава семнадцатая.</i> Злоключения Питера. — Расторжение договора. — Корнелис и Питер хотели бы унести ноги. — Стрельба из лука. — Тропический ливень. — Баримы успокоились. — Жозеф видит ручей, в котором кипит молоко. — Взрыв в шахте. — Сэм Смит. — Землетрясение?	454
<i>Глава восемнадцатая.</i> Новое в эксплуатации угольных шахт. — Мины пороховые и мины из негашеной извести. — Несравненное преимущество последних. — Обвал. — Конец четырех негодяев. — Батоки будут жить!	460
Эпилог	466

КАПИТАН СОРВИ-ГОЛОВА

Перевод *К. Полевого*
Иллюстрации *Клериса и Лежэ*

Часть первая МОЛОКОСОСЫ

<i>Глава I.</i> Смертный приговор. — Бур и его друг, молодой француз. — Отказ приостановить исполнение приговора под миллионный залог. — Осужденный сам роет себе могилу. — Казнь. — Трагическая сцена. — Мечь. — Капитан Сорви-голова и погоня за ним	473
<i>Глава II.</i> Гон. — Человек в роли дичи. — Дичь защищается. — Первые подвиги капитана Сорви-голова. — Бесстрашные юнцы. — Инстинкт лошадей. — Обходное движение. — Колючий кустарник. — Фанфан ранен. — Отчаянное бегство. — Пони убит. — Смертельная опасность. — Между двух огней	483
<i>Глава III.</i> Воспоминание о «Ледяном аде». — Замысел молодого миллионера. — За буров! — Встреча с Фанфаном. — В путь! — Набор добровольцев. — В заливе Делагоа. — Португальская таможня. — Претория. — Президент Крюгер. — Молокососы	493
<i>Глава IV.</i> Война — не всегда сражение. — Разочарование. — Обозники и землекопы. — Боевое крещение. — Атака. — Победа. — Песенка Фанфана-Гюльпана становится походным маршем Молокососов. — Сорви-голова и его генерал. — Конец рейда. — Появление Молокососов там, где их меньше всего ждали. — Послание английским судьям.	504

- Глава V.* Сражение. — Гайлендеры Гордона и Молокососы. — Огонь! — Истребление офицеров. — Герцог Ричмондский и его сын. — Ожесточенная борьба. — Последний патрон. — Враги повержены! — Великодушие. — Волыничик. — Письмо. — Несчастливая мать. — Победа 514
- Глава VI.* Бурский походный госпиталь. — Современные ранения. — Доктор Тромп. — «Гуманная» пуля. — Об одном оригинале. — На войне идут умирать всегда одни и те же. — Чудесные исцеления. — Последствия ранений осколками. — Душа англичанина. — Непризнанные герои. — Ночной выстрел . . . 525
- Глава VII.* О том, к чему приводит излишняя бдительность. — Слишком сильное увлечение разведкой. — Пленник. — У англичан. — Известность, которая доставляет неприятности. — Неожиданные последствия некоторых писем. — Два члена военного суда. — Что понимают англичане под выражением «подколоть свинью». — Варварское обращение. — Генерал. — Великодушный враг. — «Вольно!» 537
- Глава VIII.* В вагоне. — На крейсере. — На рейде Саймонстауна. — Бегство. — Преследуемый акулами. — Лестница подземного хода. — Серое платье, белый передник и судки с провизией. — Оригинальное бегство. — Коттедж и англичанка. — Служанка на все руки 547
- Глава IX.* Образцовая служанка. — Все в жизни приедается. — Телеграмма. — Ехать, и немедленно! — Санитарный поезд. — На пути в Кимберли. — О том, что может открыть путешествие по железной дороге. — Трудное путешествие. — Умер. — Несчастливая мать. — Бегство. — Между двух огней. — Белый чепчик. — Походный марш Молокососов 558

Часть вторая БОРЬБА ИСПОЛИНОВ

- Глава I.* Опять сражение. — Все в хаки. — Что такое хаки? — Снова шотландцы. — «Роёр» Поля Поттера. — Белые шарфы. — Двенадцатый. — Без страха и упрека. — Смерть храбреца. — Поражение. — Напрасные уговоры. — Псалом. — Пророчество . . 571
- Глава II.* Иностраннный легион. — Обреченный легион. — Ночная атака. — «Длинный Том» получает повреждение. — Бронепоезд. — Кронье приказывает. — Сорви-голова повинуется. — Вперед, Молокососы! — Динамит. — Железная дорога минирувана. — Приказ Фанфану. — Сорви-голова на мосту. — Ирландец. — В пучине 581

- Глава III.* Батарея на колесах. — Два взрыва. — Фанфан-воитель. — Подвиги капитана Сорви-голова. — Утонувший ирландец. — Пригвожденный волонтер. — Завоевание шляпы с меткой «СIV». — Опять марш Молокососов. — Английские пленники. — Вероломство пленного капитана. — Трагическая смерть одного из членов военного суда 590
- Глава IV.* Лагерь буров. — Сорви-голова у генерала. — Командировка. — Велосипеды дяди Поля. — Сорви-голова и Фанфан. — Солдаты-велосипедисты. — Переправа через Моддер. — Английские уланы. — Преследование. — Неожиданный скачок велосипедистов. 603
- Глава V.* Отчаянная борьба. — Истребление людей и лошадей. — Король стрелков. — Стычка, в которой Сорви-голова одержал победу, а Фанфан потерял кончик уха. — Последний из оставшихся в живых. — На память майору Колвиллу. — В Якобсдале. — В путь! 613
- Глава VI.* Бешеная езда. — В поезде. — Поезд подорван! — Отчаянные усилия. — Под огнем. — Сорви-голова и Жубер. — Прорито легкое. — Доктор Тромп. — Черный, но не негр. — Отом, как «выкручивался» Фанфан 621
- Глава VII.* Выздоровление. — Сорви-голова хочет вернуться на фронт. — Пятнадцать дней спустя. — Битва на Спионскопе. — Луи Бота. — Наступление буров. — Страшная пальба. — Пленники. — Смерть генерала Вуда. — Горе капитана Сорви-голова. — Последняя воля. — Патрик Ленокс. — Возвращение под Кимберли 632
- Глава VIII.* Старый Боб. — Предчувствия Жубера. — Слепление Кронье. — Обходное движение. — В окружении! — Лагерь Вольверскраала. — Ожесточенная бомбардировка. — Героическое сопротивление. — Капитуляция. — Четыре тысячи пленных! — Капитан Жюно. — Два друга. — Бегство 642
- Глава IX.* Опасная переправа. — В водовороте. — Одним меньше! — Один конь на двух всадников. — В Питерсбурге. — Англичане! — Осечка! — Капитан Руссел. — Сопротивление бесполезно. — Капитана Сорви-голова тащат на виселицу. — Тот, кого больше не ждали. — На дороге к Блумфонтейну 654

Часть третья ДИНАМИТНАЯ ВОЙНА

- Глава I.* О том, как Оранжевая республика поглотила барологов. — Три пастушки. — Голова капитана Молокососов оце-

- нена в тысячу фунтов стерлингов, а голова майора Колвилла — в один пенни. — Катастрофа. — Исчезновение одиннадцати улан. — Появление трех необычайных кумушек 665
- Глава II.* Герилья. — Немыслимое предприятие. — Отступить! — Уланы! — Три двоюродные сестры Поля. — Пленники. — Снова бойня. — Шутка капитана Сорви-голова. — Унижение солдат ее величества королевы. — Привет майору Колвиллу . . . 677
- Глава III.* Старые друзья. — Саперы роты Молокососов. — Наполеон. — Неосторожность. — Окружены! — Парламентер. — «Капитулируйте!» — Гордый ответ. — Под артиллерийским обстрелом. — Пролом. — Сорви-голова покупает стадо. — Прихоть, которая обходится в тридцать тысяч флоринов. — О том, зачем понадобилась эта покупка. — Необыкновенные приготовления. — Куда пойдут коровы? — Томительное ожидание 687
- Глава IV.* Когда в дело вмешиваются женщины. — Героическое самопожертвование матери и дочерей. — Взрывы. — Победа, купленная слишком дорогой ценой. — Похороны патриоток. — Пожар. — Стычка. — Опять уланы! — Окружены. — Молокососы на краю гибели. — Конец ли это? 698
- Глава V.* Возвращение на пылающую ферму. — Среди пламени. — Опять динамит. — Новый пролом. — Карьером! — Прощальный залп. — Спасены! — Бурский картофель. — Замысел капитана Сорви-голова. — Трогательное прощанье. — Переодевание 707
- Глава VI.* В разведке. — Оправдавшиеся предвидения. — Как вернуться? — Норовистый конь. — Кувыркком! — Драка. — Удар головой и ловкая подножка. — Отчаянное бегство. — В прятки! — У майора. — Сон пьянчуги. — Сорви-голова не теряет-ся. — Верный Билли. — Опять тревога! 715
- Глава VII.* О людях, которых бьют. — Опять драка. — Пушки выведены из строя. — Распивочная. — Сорви-голова покупает виски. — В роли пьяницы. — Патруль. — Первое угощение. — Часовые. — Второе угощение. — Прodelки лжепьяницы. — Конный патруль. — Третье угощение. — Подозрение. — Последняя бутылка и первый выстрел. — Карьером! 724
- Глава VIII.* Нашествие. — Как англичане воевали с бурами. — Свирепые цивилизаторы. — Грабежи и пожары. — Драма в Блесбукфонтейне. — Убийство столетнего старца. — Истребление женщин и детей. — Мстители. — Майору Колвиллу приходится наконец уплатить по счету. — Отступление . . . 733

<i>Глава IX.</i> Предчувствие. — Переход через Вааль. — Отступление. — Во имя спасения армии генерала Бота. — Фермопилы. — Поль и Патрик. — Стоять насмерть! — Гибель Молокососов. — Последние пули и последние Молокососы. — Капитан Жюно. — Выживут ли они?	744
<i>Послесловие</i>	756

ЛЕДЯНОЙ АД

Перевод *Е. Киселева*
Иллюстрации *Ш. Клериса*

Часть I

ПРЕСТУПЛЕНИЕ В МЕЗОН-ЛАФФИТЕ

<i>Глава I.</i> Ужасный контраст. — Таинственное письмо. — Шантаж. — 50 тысяч франков или смерть. — Полицейский агент. — Княгиня ожидает. — Потерянная нить. — Дьявольская ловкость. — Лошадь без всадника. — Последняя угроза. — Зарезанный человек. — Кровавая звезда. — Самоубийство	761
<i>Глава II.</i> Два друга. — Репортер и ученый. — Поль Редон и Леон Фортэн. — Как теперь убивают. — Кое-что о морских свинках. — Чудесное открытие. — Тайна золота. — Новый металл. — Леон Фортэн хочет во что бы то ни стало получить пятьдесят тысяч франков, чтобы стать повелителем золотых россыпей. — Арест	769
<i>Глава III.</i> Тягостный путь. — Истинный друг. — Перед судом. — Вопрос. — Цветы обвиняемого. — Дама в голубом. — Донесение агента. — «Это вы — убийца!»	773
<i>Глава IV.</i> Редон принимается за дело. — Первые доказательства. — Труд паука. — Западня. — Это — англичанин. — Луч света. — Возвращение в Париж. — Задержка багажа. — По телефону. — Удар ножа	779
<i>Глава V.</i> Брат и сестра у родителей обвиняемого. — Мадемуазель Марта. — Удивление жителей. — Следователь и его помощник. — Известие об убийстве Поля Редона. — Что заключалось в таинственной корзине	786
<i>Глава VI.</i> Беда. — Предчувствие. — Доктор. — Раненый. — Трепанация. — Лассо. — Мнимый сторож. — Доказательства. — Возвращение. — Кража. — Угрозы. — Письмо. — «Кровавая звезда»	792

- Глава VII.* Старичок с улицы Ларошфуко. — Молодой человек. — Париж, Кале, Дувр, Лондон. — Банда «Кровавая звезда». — Агент Тоби «Номер 2». — По телефону. — Доказательства невиновности. 798
- Глава VIII.* Снова старичок. — Удивление. — Воскресший из мертвых. — Ужасная рана. — Кипучая энергия. — Разоблачения Тоби «Номер 2». — Слепок ног. — Отождествление. — Свет. — Преступление в Багиньоле 805
- Глава IX.* Тщетные предосторожности. — Дьявольская ловкость. — Это — английская работа! — На свободе. — Вознаграждение. — Истинный друг. — Отправимся в Клондайк! — Отъезд в Америку. 812

Часть II «ГНЕЗДО САМОРОДКОВ»

- Глава I.* Страна золота. — Золотая лихорадка. — Рудокопы передового отряда. — Огилви. — Бескорыстие. — Нищета и миллионы. — На приступ. — Вторжение. — Зимние лишения 820
- Глава II.* Впечатления лицеиста. — Новые друзья. — Канадец и его дочь. — Что следует запасть, отправляясь в Клондайк. — Летнее путешествие. — От Ванкувера до Скагуэя. — Перевал мертвой лошади. — От Скагуэя до озера Беннет. — На пути в Доусон-Сити 827
- Глава III.* На «Флоре». — Высадка. — Юкон. — В Доусон-Сити. — Действие оттепели. — «Высший свет» страны золота. — Гостиница «Бель-Вью». — Цены на золотые участки. — Конная полиция. — Безопасность 832
- Глава IV.* Новички. — Хозяйки и работники. — Законы, указы и концессии. — Сколько золота! — Явились или слишком рано, или слишком поздно. — Эксплуатация золотоносных участков. — Первая промывка золота. — Разочарование. — Находка Портоса. — «Гнездо самородков» 838
- Глава V.* Что называют «гнездом самородков». — Золотая лихорадка. — Кровь и золото. — На замерзшей почве. — Почему не делают раскопок летом? — Дровосеки. — Землекопы. — Журналы, газеты и их представители. — Известность. — Планы бандитов 845
- Глава VI.* Два человека из конной полиции. — Западня. — Два трупа. — Страшная резня. — Еще один мертвец. — Упорный сообщник. — Пожар. — Мнимые полицейские. — Охрана для «гнезда самородков» 850

- Глава VII.* Хитрость разбойников. — Во время сна. — «Гнездо самородков» переходит в другие руки. — Умерли ли они? — Хло-роформ. — Неприятное пробуждение. — Ограблены! — Бешенство Редона. — Non bis in idem. — Поиск Леона. — Тревоги ученого 857
- Глава VIII.* Новое открытие. — Не случайность. — «Гнездо самородков». — Редон пал духом. — Избалованный счастьем. — Золотая буссоль. — Периодический закон Менделеева . . . 864
- Глава IX.* Печальный случай. — Спасение. — Серьезные раны. — Неожиданность. — Тоби «Номер 2». — Выводы полицейского агента. — Удивление пострадавших. — Приходится покинуть участок. — Возвращение. — Тоби не теряет времени 870
- Глава X.* Увеселительные места в Доусон-Сити. — Тоби держит свое слово. — Лицом к лицу. — Воры и убийцы. — Скандал и арест. — Перед судом. — Обвинение — Свидетели. — Поражение. — Приговор. — В тюрьме. — Торжество бандитов . . 876

Часть III «МАТЬ ЗОЛОТА»

- Глава I.* Восход и заход солнца. — Пятиминутный день. — При 45° ниже нуля. — Ружейный выстрел. — Возвращение Жана. — Караван. — В пути. — В стране холода. — Жестокое разочарование 886
- Глава II.* Фанатики золота. — Тайна индейца атна. — Отправление. — В пути. — Ожидание. — Надо воздействовать. — Первая победа. — Подвиги школьника. — Пир. — Кошмар. — Смертельная опасность 893
- Глава III.* Серый медведь. — Прерванный сон. — Выстрел. — Жан и Леон. — Редон неподвижен. — Героиня. — Самообладание. — Свойство керосина. — Необычайная смерть гризли 900
- Глава IV.* Возвращение. — Канадцы и краснокожий. — Ожерелье вождя. — Неутомимые. — В пути. — Стрелка вновь вращается. — Сомнения. — Кто прав? — «Здесь!» — сказал индеец 904
- Глава V.* Золотой бред. — Вождление. — Взрыв динамита. — Недоумение. — Разочарование. — Медь. — Легенда об Эльдорадо. — Вознаграждение. — Возвращение. — По пути к медвежьей пещере 913

<i>Глава VI.</i> Стая волков. — Нападение. — Резня. — Как Редон греет свои пальцы. — Отступление. — Они пожирают друг друга. — Медвежья пещера	918
<i>Глава VII.</i> Пробуждение. — Это — динамит! — Опять враги. — Быть может, «Кровавая звезда». — Золото! — Вот она — «Мать золота!» — Суждено ли погибнуть?	923
<i>Глава VIII.</i> Подвиг лицеиста. — Человек и собака. — След. — Под сенью шатра. — Бандиты и их жертвы. — Мертвецки пьяные. — От жизни к смерти. — Новый подвиг Жана. — Те, кого не ожидали.	928
<i>Глава IX.</i> Сила воли. — Возвращение к пещере. — Живы. — Опять динамит! — На свободе. — Рассказ Тоби. — Вознаграждение. — Раскрытие тайны. — При свете пламени. — «Кровавая звезда». — Последнее открытие	933
<i>Заключение</i>	937